

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

Е. И. Замылин, Н. В. Кальченко

**ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ
КРИТЕРИИ ДОПУСТИМОСТИ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
В ХОДЕ ДОПРОСА
(к вопросу о соблюдении прав
человека и гражданина на следствии)**

Учебное пособие

Волгоград
ВА МВД России
2020

УДК 343.985(075.8)
ББК 67.522.1я73
3-26

Одобрено
редакционно-издательским советом
Волгоградской академии МВД России

Замылин, Е. И.

3-26 Правовые и этические критерии допустимости психологического воздействия в ходе допроса (к вопросу о соблюдении прав человека и гражданина на следствии) : учебное пособие / Е. И. Замылин, Н. В. Кальченко. – Волгоград : ВА МВД России, 2020. – 96 с.

ISBN 978-5-7899-1241-6

В учебном пособии освещается проблема тактики производства допроса на стадии предварительного следствия, в том числе в условиях конфликтной ситуации, рассматриваются вопросы допустимости психологического воздействия на допрашиваемого. Авторы предлагают соответствующую градацию такого воздействия с учетом не только его правомерности, но и оправданности с точки зрения морали, оценивают наиболее распространенные на практике способы психологического воздействия на лицо в целях получения показаний.

Издание содержит учебный материал для углубленного изучения дисциплин «Криминалистика» (раздел «Криминалистическая тактика») и «Обеспечение прав человека в деятельности органов внутренних дел».

Издание адресовано курсантам и слушателям образовательных организаций системы МВД России, сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 343.985(075.8)
ББК 67.522.1я73

***Авторы:** Евгений Иванович Замылин, профессор кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор (введение, глава 1, заключение); Наталья Викторовна Кальченко, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент (глава 2).*

***Рецензенты:** В. В. Сергеев, М. А. Ершов.*

ISBN 978-5-7899-1241-6

© Замылин Е. И., 2020
© Кальченко Н. В., 2020
© Волгоградская академия МВД России, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ХОДЕ ДОПРОСА КАК НЕОБХОДИМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТАКТИКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ	6
§ 1. К вопросу о тактике и психологии допроса	6
§ 2. Психологическое воздействие в ходе допроса как ответная реакция на складывающуюся следственную ситуацию	15
ГЛАВА 2. ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ КАК СПОСОБЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА: ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ	42
§ 1. Психологическое воздействие и психическое принуждение: содержание понятий, их соотношение	42
§ 2. Этико-правовые аспекты «открытых» видов психологического воздействия при производстве допроса, их разграничение с психическим принуждением	50
§ 3. Этико-правовые аспекты «завуалированных» видов психологического воздействия при производстве допроса, их разграничение с психическим принуждением	66
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	86
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	88

ВВЕДЕНИЕ

В процессе формирования правового государства борьба с преступными проявлениями, своевременное и качественное раскрытие и расследование совершаемых уголовно наказуемых деяний приобретают все большую актуальность, имеют первостепенное значение. Проблема установления истины в процессе производства по конкретному уголовному делу находит решение зачастую в ходе организации и проведения такого следственного действия, как допрос, особая сложность тактики и психологии которого наглядно прослеживается в условиях конфликтной ситуации.

Допрос – наиболее распространенное следственное действие. Его суть заключается в получении уполномоченным на то государством должностным лицом от участника уголовного судопроизводства показаний по обстоятельствам, имеющим значение по делу. Не существует уголовных дел, при расследовании по которым следователь, лицо, производящее дознание, не прибегали бы к допросу различных участников уголовного процесса. В результате большинство доказательств попадает в сферу уголовного судопроизводства именно благодаря допросу.

Кроме того, данное следственное действие является процессуальным средством, с помощью которого есть возможность не только получить доказательства, необходимые для установления истины по конкретному уголовному делу, но и проверить значительную часть информации о преступлении и лицах, его совершивших, независимо от того, получена она в ходе проведения следственных действий или непроцессуальным путем.

Однако все более распространенный и изощренный характер противодействия раскрытию и расследованию уголовно наказуемых деяний значительно затрудняет работу правоохранительных органов; оптимизация и успешное решение насущных проблем в данном направлении требуют поиска новых форм и методов работы иногда в рамках, выходящих за пределы традиционных уголовно-процессуальных отношений. Следственная практика продолжает испытывать особую потребность в рекомендациях по сбору и фиксации доказательств в ситуациях, когда следственные действия проводятся в неблагоприятных условиях, обстановке противоборства и конфликтов, когда принятые за основу деятельности следователя приемы выявления и разоблачения лжи эффективны далеко не всегда.

От искусства и профессионализма следователя в проведении допроса во многом зависят конечный результат, решение задач, стоящих перед правоохранительными органами в целом, их авторитет. Умелое проведение допроса – важное условие успешного расследования по делу. Именно здесь психологическое воздействие является не просто обязательным атрибутом – ему свойственна закономерность: в одном случае оно происходит в определенной степени произвольно, например в результате ознакомительной беседы лицом, вовлеченным в процесс расследования, в другом – носит со стороны следователя целенаправленный характер, преследуя цель получения достоверных показаний.

Соответственно, представляется необходимым определить границы подобного воздействия, причем не только с позиции его правомерности, но и с учетом этической допустимости и моральной оправданности. Необходима соответствующая оценка некоторым наиболее распространенным на практике способам психологического воздействия на допрашиваемое лицо для получения искомой информации.

При подготовке данного пособия, не имея принципиальных противоречий по излагаемой тематике, авторы проведенного исследования в целях индивидуализации своей позиции по ряду вопросов поделили авторство.

ГЛАВА 1

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ХОДЕ ДОПРОСА КАК НЕОБХОДИМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТАКТИКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

§ 1. К вопросу о тактике и психологии допроса

Допрос – наиболее распространенное из следственных действий. Установлено, что более четверти рабочего времени, выделяемого для их проведения, следователи тратят на производство допросов и лишь 4 % – на иные следственные действия. В результате большинство доказательств попадает в сферу уголовного судопроизводства именно благодаря допросу. От искусства и профессионализма следователя в его проведении во многом зависят конечный результат, решение задач, стоящих перед правоохранительными органами в целом, их авторитет. Эффективность допроса определяется умением следователя налаживать отношения с представителями различных слоев общества на основе норм нравственности, в духе гуманности и уважения их законных прав и интересов. Умение правильно строить беседу, а затем допрос предполагает как теоретическую подготовку, так и постоянное совершенствование практических навыков в данной области.

Допрос является процессуальным средством, с помощью которого есть возможность не только получать доказательства, необходимые для установления истины по делу, но и проверять значительную часть информации о преступлении и лицах, его совершивших, независимо от того, получена ли она в ходе проведения процессуальных мероприятий или в результате применения негласных методов работы, которыми наделены оперативные аппараты правоохранительных органов. Вместе с тем в юридической литературе в отношении данного следственного действия имели место (порой встречаются и сейчас) довольно скептические высказывания и пренебрежение его значимостью в ходе выяснения обстоятельств по делу. Нельзя отрицать, что ученые, особенно специалисты в области психологии, отчасти правы в занимаемой ими позиции.

Об этом свидетельствует и следственно-судебная практика на постсоветском пространстве.

Кроме прочего, определенную роль здесь сыграло стремительное развитие естественных и технических наук на рубеже XIX–XX вв., достижения которых стали применяться в процессе раскрытия и расследования преступлений. Именно в этот период в ущерб доказательственной ценности показаний лиц, обладающих конкретной информацией по делу, находящемуся в производстве у следователя, происходило «возвеличивание» вещественных доказательств – так называемых немых свидетелей, которые якобы со временем смогут окончательно вытеснить из уголовного судопроизводства источники доказательств, «наделенные даром речи».

Так, по мнению А. Гельвига, «следы на месте преступления имеют гораздо большее значение в деле уличения преступника, чем сообщения свидетелей, так как они дают меньше оснований к заблуждениям»¹. «Абсолютную» ненадежность показаний различных участников уголовного судопроизводства, независимо от их процессуального положения, в первой половине прошлого века отстаивали в своих работах и такие видные зарубежные криминалисты и психологи, как В. Корфе, Г. Берг, Э. Зеелиг, М. Хаутс, Э. Кренинг, Ф. Луваж и др., отдавая предпочтение именно вещественным доказательствам.

В ходе экспериментов и исследований, проводимых с участием отдельных субъектов уголовного судопроизводства, как правило, очевидцев по делу, исследователи приходили к выводу о том, что их показаниям свойственны произвольные ошибки, которые связаны с искажениями при восприятии или передаче информации о наблюдаемых событиях. «Научно», отчасти, это объяснялось и отрицательными качествами человеческой природы, тем, что по психобиологической сущности человек не может давать объективную информацию, а по своей нравственной сущности вполне способен на ложь. В результате показания лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, все чаще стали относить к категории «ненадежных», ибо «слово человеческое и действительность лишь

¹ Гельвиг А. Современная криминалистика. Методы расследования преступлений. М., 1925. С. 23.

в редких случаях совпадают между собой»¹. В данном случае налицо градация ценностного значения источников информации и, заметим, не в пользу показаний носителей информации по факту совершения уголовно наказуемого деяния или сведений, имеющих самое непосредственное отношение к процедуре сбора и обобщения источников доказательств по делу.

Трудно оспаривать и мнение В. Л. Будникова, который развивает мысль о том, что содержащиеся в показаниях сведения представляют собой определенным образом трансформированную сознанием человека информацию о воспринятых им обстоятельствах преступления. Вполне естественно, что трансформация может происходить вне зависимости от воли и желания индивида. Однако потенциальные носители воспринятых сведений способны в отдельных случаях вполне сознательно исказить их и сообщить субъектам доказывания недостоверные, заведомо ложные фактические данные. Сведения об уголовно наказуемом деянии по своему объему и качеству содержания далеко не всегда совпадают с первоначально отразившейся в сознании таких носителей информационной моделью воспринятой ими криминальной ситуации².

Однако надо признать, что фигуранты по делу, как совершающие уголовно наказуемое деяние, так и претерпевшие направленные в отношении них противоправные посягательства, а также «сторонние наблюдатели» – очевидцы происшедшего, «создаются» самими обстоятельствами дела. Среди источников доказательств их показания занимают своеобразную нишу в перечне искомой информации по делу, поскольку базируются на личном восприятии. В силу этого данная категория лиц при отправлении уголовного судопроизводства незаменима. Так, в частности, А. В. Скопинский, выделяя свидетельские показания и акцентируя внимание на их важности для производства по делу, отмечал: «Свидетели – альфа и омега уголовного процесса»³.

¹ Холчев И. Восприятие и действительность // Проблемы психологии. Ложь и свидетельские показания. М., 1902. Вып. 1. С. 259.

² См.: Будников В. Л. Показания в уголовном судопроизводстве. М., 2009. С. 9–10.

³ Скопинский А. В. Свидетели по уголовным делам. М., 1911. С. 3.

В зависимости от процессуального положения допрашиваемого в ходе предварительного расследования различают:

- допрос свидетеля;
- допрос потерпевшего;
- допрос подозреваемого;
- допрос обвиняемого;
- допрос эксперта.

Показания, полученные в результате вовлечения в уголовное судопроизводство каждой из перечисленных процессуальных фигур, имеют свои особенности, процедура их получения и фиксации представляют определенную сложность. Но, независимо от следственной ситуации, допрос в обязательном порядке должен осуществляться в рамках правового поля, безусловно с позиций этики и морали, ведь вопрос о соблюдении прав человека и гражданина на следствии – непреложная азбучная истина.

Думаем, здесь «напрашивается» необходимость представить ряд международных документов, закрепляющих правовые и этические принципы деятельности государственных правоохранительных структур, а именно:

- Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка;
- европейская Декларация о полиции 1979 г.;
- Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, и др.

«Свод принципов...», например, в ст. 21 прямо устанавливает запрет «злоупотреблять положением задержанного или находящегося в заключении лица с целью принуждения его к признанию, какому-либо иному изобличению самого себя или даче показаний против любого другого лица». И далее: «Ни одно задержанное лицо не должно подвергаться во время допроса насилию, угрозам или таким методам дознания, которые нарушают его способность принимать решения или выносить решения». Аналогичная норма нашла правовое закрепление в п. 2 ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), где прямо указано на то, что никто из участников уголовного процесса не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению.

Соответственно, возникает закономерный вопрос: существуют ли законодательно закрепленные (кроме вышеупомянутых) этико-правовые критерии допустимости тактики поведения следователя в ходе производства по делу и определены ли конкретные тактические приемы-рекомендации, применяемые при раскрытии (расследовании) преступлений?

Вполне логично и закономерно, что нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентируя основные правила допроса, не могут заключать в себе весь перечень рекомендаций по тактике его проведения. Однако следует заметить, что в УПК РФ входят и некоторые правила тактического характера, которые, будучи закрепленными на законодательном уровне, обязательны к исполнению. Так, например, при производстве следственного действия недопустимы применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц (ч. 4 ст. 164 УПК РФ), при допросе недопустимы наводящие вопросы (ч. 2 ст. 189 УПК РФ) и др. Но этого явно недостаточно: каким бы полным не был кодекс, он «в состоянии лишь урегулировать приемы допроса с формальной стороны, подыскивать же внутреннее содержание – это есть дело и искусство самого следователя»¹.

Закон очерчивает круг лишь самых общих тактических требований к порядку и условиям проведения предварительного расследования. Однако основная масса тактических приемов остается за пределами прямого нормативного регулирования. Лицо, производящее предварительное расследование, выбирает и использует их по своему усмотрению, учитывая обстоятельства дела, собранные доказательства, особенности личности допрашиваемого и его позиции по делу, а также свой опыт следственной работы.

Следственная практика не раз приходила к выводу о том, что некоторый способ решения какой-либо следственной задачи целесообразен всегда в определенной ситуации, независимо от вида расследуемого преступления. По этой причине время от времени такие способы законодатель делал обязательными и тактические приемы

¹ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / пер. с нем. СПб., 1908. С. 79.

становились правовыми предписаниями¹. Однако в отличие от норм уголовно-процессуального законодательства, которые, как было указано выше, обязательны к исполнению, тактические приемы допроса (не входящие в перечень «правовых предписаний») носят для следователя рекомендательный характер, т. е. он по своему усмотрению вправе решать вопрос о действенности и, соответственно, использовании того или иного приема сообразно сложившейся ситуации.

И все же, несмотря на альтернативу выбора следователя, применение того или иного тактического приема не должно:

- 1) унижать чести и достоинства допрашиваемого;
- 2) влиять на позицию невиновного, дабы не способствовать признанию им несуществующей вины;
- 3) оправдывать совершение преступления или преуменьшать его общественную опасность;
- 4) способствовать оговору со стороны допрашиваемого;
- 5) использовать неосведомленность допрашиваемого в вопросах уголовного права и уголовного процесса;
- 6) способствовать развитию у допрашиваемых низменных чувств, даче ими ложных показаний, совершению аморальных поступков;
- 7) основываться на сообщении следователем допрашиваемому заведомо ложных сведений;
- 8) подрывать авторитет правоохранительных органов².

Объективным критерием правомерности реализуемых следователем тактических приемов установления обстоятельств по уголовному делу является, прежде всего, их соответствие требованиям закона. Независимо от сложившейся ситуации со стороны следователя недопустимы обман, фальсификация, игра на низменных наклонностях участника уголовного судопроизводства, провокация, психическое и физическое насилие над личностью и т. п. Необходимо уяснить, что в целом это не только противоречит критериям следственной этики (а может быть и квалифицировано как уголовно

¹ См.: Селиванов Н. А. Критерии допустимости применения тактических приемов при расследовании // Законность. 1994. № 4. С. 24.

² См.: Быховский И. Е., Глазырин Ф. В., Питерцев С. К. Допустимость тактических приемов при допросе. Волгоград, 1989. С. 21.

наказуемое деяние в отношении лица, проводящего то или иное следственное действие), но и нежелательно из тактических соображений. Деятельность следователя в этом направлении чревата непоправимыми ошибками, в том числе утратой взаимопонимания и доверия со стороны лица, вовлеченного в процесс расследования.

Следует отметить, что дискуссия по поводу допустимости либо недопустимости тех или иных тактических приемов ведется давно, причем часто приобретает столь острый характер, что критика начинает диктоваться не столько содержанием, сколько их наименованием. Права в этом случае профессор Л. М. Карнеева, которая утверждает: нельзя не заметить, что некоторые криминалисты и специалисты в области судебной психологии прибегают к обозначению давно известных тактических приемов такими терминами, которые создают превратное представление о сути самих приемов. Так, например, использование особенностей взаимоотношений между соучастниками, совершившими конкретное уголовно наказуемое деяние и вовлеченными в уголовное судопроизводство, порой именуют «разжиганием конфликтов», а использование особенностей взаимосокрытия осведомленности со стороны следователя – «дезинформацией», предъявление им доказательств – «созданием напряженности», использование же элемента внезапности – «захватом врасплох»¹.

Тактика допроса представляет собой систему тактических приемов, выбор и умелое применение которых решает задачу (оптимизирует процесс) получения достоверных показаний допрашиваемого. Определение (выбор) тактического приема и успешное применение его в ходе следственного действия, безусловно, зависит от квалификации должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, его опыта и стиля работы. Следователь достигает поставленной цели в том случае, если в процессе допроса он использует не один излюбленный и проверенный в ходе предыдущей практической деятельности тактический прием, а применяет их во всем многообразии, обладая умением и навыками заменять (варьировать) один прием другим или комплексом тактических приемов.

¹ См.: Карнеева Л. М. Судебная этика и тактика допроса // Этика предварительного следствия. Волгоград, 1976. Вып.15. С. 58–59.

Основная проблема оценки правомерности тактического приема сопряжена с ограничением психологического воздействия от психического принуждения либо психического насилия. К личности, вовлеченной в сферу уголовного судопроизводства, сотрудник правоохранительных органов должен относиться как к некой автономии, синтезирующей в себе единство трех начал: физической, психической и нравственной неприкосновенности. В совокупности их иногда рассматривают как личную неприкосновенность.

Под физической неприкосновенностью, по нашему мнению, следует понимать условия функционирования физического организма в отсутствие направленного воздействия любого рода, имеющего целью нарушение его анатомической целостности и естественного протекания физиологических процессов.

Психическая неприкосновенность в данном контексте может быть рассмотрена как состояние психики в отсутствие внешнего принуждения любого характера, направленного на подавление воли личности и вынуждающего ее совершить определенные деяния в интересах принуждающего лица.

Нравственная неприкосновенность, как представляется, охватывает область духовных ценностей, имеющих приоритетное значение в сознании конкретного индивида: понятия чести, достоинства, постулаты исповедуемого религиозного учения и т. п.

В процессе раскрытия и расследования преступления может подвергнуться посягательству любой из объектов названных видов неприкосновенности, причем как отдельно взятый, так и в совокупности с другими. В некоторых случаях такое посягательство может содержать признаки состава преступления.

В настоящей работе основное внимание будет уделено проблеме допустимости тактических приемов с точки зрения границ психической и нравственной неприкосновенности личности.

Полагаем, что психическое принуждение либо насилие при производстве допроса является недопустимым средством получения и закрепления доказательственной информации по делу. В связи с этим закономерен вопрос: любая ли форма психологического воздействия на личность есть попытка вторжения в сферу ее психической неприкосновенности? Думается, что нет. Действительно, любое психологическое воздействие на личность предполагает вмешательство в ролевые функции ее воли. Однако если оно не направлено

на угнетение воли в такой степени, чтобы лишить личность возможности самостоятельного выбора варианта своего поведения с учетом собственных интересов, то оно остается воздействием (понуждением), не принимая форму психического принуждения (насилия). А значит, в своей основе тактические приемы должны быть научно обоснованными, логичными, увязанными между собой, не выходить за рамки требований морали и этики, способствовать достижению поставленной цели. Они должны быть эффективными и экономичными, обладать таким свойством, как избирательность, т. е. оказывать соответствующее воздействие на лиц, действительно знающих обстоятельства расследуемого преступления, и нейтральными в отношении тех, кто искомой информацией не располагает¹.

По нашему мнению, тактические приемы – это основанные на законе, безупречные с позиции этики и морали, разработанные теорией и апробированные на практике рациональные и наиболее эффективные способы воздействия следователя на допрашиваемое лицо в целях получения полных и достоверных показаний.

Представленное определение в некоторой степени «ратует» (дает однозначную трактовку) за то, что применяемые в ходе допроса тактические приемы, несомненно, проявляются именно в виде «воздействия», т. е. воздействия на психику лица, вовлеченного в процесс расследования, в целях получения достоверной информации в отношении интересующего следователя инкриминируемого факта. Трудно провести разделительную черту между тактическим приемом и психологическим воздействием. Следует признать неоспоримым факт: психологическое воздействие – это необходимая составляющая тактики следователя, которая отчасти проявляется посредством использования им тактических приемов. Тактический прием независимо от его правомерности, действительности и запланированного результата в процессе установления истины по делу как таковой, преследуя цель воздействовать на психику участника уголовного судопроизводства, будет проявляться в конкретных последствиях (или положительных, или отрицательных, крайне редко – нейтральных).

¹ См.: Порубов Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии. Минск, 1978. С. 63–65.

В криминалистической литературе существует множество классификаций тактических приемов по самым различным основаниям. Анализируя работы по данной проблеме, В. И. Комиссаров выделил 17 разновидностей таких классификаций¹. Наиболее удачным (применительно к тематике нашей работы) представляется деление в зависимости от характера ситуации – бесконфликтной и конфликтной.

На основе складывающейся следственной ситуации попытаемся обосновать допустимость и, безусловно, необходимость и значимость психологического воздействия на участников уголовного судопроизводства в рамках действующего законодательства и этических требований в правоприменительной деятельности должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело.

§ 2. Психологическое воздействие в ходе допроса как ответная реакция на складывающуюся следственную ситуацию

Итак, в практике раскрытия и расследования преступлений в зависимости от ситуации на момент проведения следственного действия с участвующими в нем лицами у следователя складываются определенные отношения, носящие бесконфликтный или конфликтный характер. Именно складывающаяся на период расследования следственная ситуация является определяющей в действиях следователя (дознавателя) при выборе той или иной линии поведения, по реализации того или иного тактического приема или их комплекса.

Бесконфликтные ситуации в процессе допроса характеризуются тем, что интересы следователя и участника уголовного судопроизводства в известной степени совпадают: допрашиваемый передает следователю интересующую того информацию, а последний не имеет оснований сомневаться в ее достоверности. Подобная ситуация наиболее желательна при допросе любого участника уголовного

¹ См.: Комиссаров В. И. Теоретические проблемы следственной тактики. Саратов, 1987. С. 71.

судопроизводства, независимо от его процессуального положения, интереса в исходе дела, и в случае ее достижения тактическая задача следователя может быть сведена к одному, но весьма существенному положению: не допустить перерастания бесконфликтной ситуации допроса в конфликтную, не спровоцировать своими действиями, поведением конфликт с допрашиваемым¹. При этом следователь должен не только получить и зафиксировать показания, но и при необходимости оказать помощь в восстановлении забытого.

К основным тактическим приемам допроса в бесконфликтной ситуации можно отнести:

- умелое выслушивание свободного рассказа допрашиваемого;
- правильную постановку уточняющих, поясняющих, дополняющих и контрольных вопросов, направленных на конкретизацию и детализацию показаний фигуранта по делу и препятствующих их изменению на ложные;
- выяснение данных для проверки уже известных фактов;
- получение новых сведений².

Перечисленные приемы довольно широко освещены в криминалистической литературе, поэтому обратим внимание лишь на отдельные положения.

Ведущая роль в допросе, несомненно, принадлежит следователю, который, используя психологическое взаимодействие (*т. е. посредством психологического воздействия*) с допрашиваемым, задает соответствующий тон беседе, преодолевая (нейтрализуя) возможность наступления конфликтной ситуации.

Установлено, что результативность предстоящего сотрудничества во многом предопределена первым впечатлением, которое произвели взаимодействующие стороны друг на друга. Именно о первом впечатлении профессор-психолог А. А. Бодалев говорит как о сложном психологическом феномене, включающем в себя чувственный, логический и эмоциональный компоненты, а также те или иные особенности облика и поведения человека, оказывающегося объектом познания³ (опять же все обозначенное в совокупности

¹ См.: Баев О. Я. Тактика следственных действий. Воронеж, 1992. С. 113.

² См.: Карнеева Л. М. Тактические основы организации и производства допроса в стадии расследования. Волгоград, 1976. С. 30.

³ См.: Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982. С. 178.

проходит через призму *психологического воздействия*). Данный этап «знакомства» закладывает основы взаимной симпатии, доверия или способствует возникновению стойких неприязненных отношений (крайне редко – абсолютного безразличия к происходящему), с учетом которых субъекты уголовно-процессуальных отношений вырабатывают своеобразную линию поведения, которая порой, несмотря на предпринятые усилия следователя, не подвержена изменению весь период расследования по делу.

Следователь должен знать, что фигуранту по делу как носителю информации далеко не безразлично, с кем ему предстоит взаимодействовать. Его готовность к контакту и восприимчивость, а также соответствующий настрой будут зависеть не только от должностного положения лица, в производстве которого находится уголовное дело, но и от личных и деловых качеств последнего. Необходимо, чтобы своим видом, манерой общения, формой постановки вопросов следователь располагал допрашиваемого к откровенности, внушал ему чувство доверия и уважения к правоохранительным органам в целом и лицу, ведущему расследование, в частности. Аккуратный внешний вид, подчеркнутая вежливость и искренний интерес не только к сведениям по делу, которыми располагает фигурант, но и к проблемам самого обладателя информации, аккумулирует у последнего желание давать искомые достоверные показания, оказывать помощь в процессе расследования.

Обязательным условием эффективной коммуникации между взаимодействующими сторонами, необходимым для достижения поставленных целей, является психологический контакт. Пути его установления не поддаются стандартизации, теория не имеет возможности разработать и обосновать рекомендации по его индивидуальному налаживанию с каждым из участников уголовного судопроизводства в конкретной складывающейся ситуации. Обеспечение соответствующих условий для этого – процесс перманентный, реализуемый независимо от этапа расследования по делу.

В криминалистике и юридической психологии разработаны наиболее общие пути и направления установления психологического контакта. Рекомендации по его формированию в основном сводятся к применению следователем тактических приемов, направленных на стимулирование готовности допрашиваемого дать достоверные показания, формирование между взаимодействующими сторонами

(следователем и лицом, вовлеченным в процесс расследования) таких отношений, при которых у последнего возникает желание передать следователю достоверную информацию, имеющую значение для расследования¹. В нашем случае трудности в установлении психологического контакта с допрашиваемым лицом независимо от его процессуального положения в первую очередь определены формированием у него понимания важности участия в процессе раскрытия и расследования преступления, доверия к процессуальной деятельности следователя, присущим ему деловым и общечеловеческим качествам.

В зарубежной криминалистической литературе, затрагивающей проблемы установления психологического контакта в ходе производства по делу, следователю рекомендуется применять при допросе ряд приемов, которые, как нам кажется, заслуживают внимания и представляют определенный интерес, а именно:

- дружелюбно, но не фамильярно приветствовать допрашиваемое лицо, представляться ему;

- представляясь, не подчеркивать своего служебного положения (не делать акцент) и не создавать образ службиста, которому нужна только информация по делу;

- убирать со стола бумагу и пишущие приборы (записи во время допроса препятствуют установлению доверия);

- допрашивая, следователь должен сидеть и смотреть в глаза собеседнику, не вскакивать, не ходить, так как это, с одной стороны, ослабляет контакт, а с другой – свидетельствует о его нервозности;

- говорить понятно для допрашиваемого².

Проведенное интервьюирование практических работников показало, что установление психологического контакта с допрашиваемым лицом в большинстве случаев удается достичь за счет прие-

¹См.: Глазырин Ф. В. Психология следственных действий. Волгоград, 1983. С. 58, 79; Лютынский А. М. Проблемы установления психологического контакта с допрашиваемым // Проблемы управления органами расследования преступлений в связи с изменением уголовно-процессуального законодательства. М., 2008. Ч. 2. С. 188–194; Еникеев М. И., Образцов В. А., Эминов В. Е. Следственные действия: психология, тактика, технология. М., 2011. С. 12–14; и др.

²См.: Гусаков А. Н. Криминалистика США: теория и практика ее применения. Екатеринбург, 1993. С. 95–96.

мов, заключающих в себе побудительное начало. Соответственно, наиболее часто следователями применяются:

1) проявление объективности и участия к допрашиваемым – 67 % респондентов;

2) нейтрализация конфликтного состояния отдельных участников уголовного судопроизводства – 43,3 %;

3) преодоление смыслового и эмоционального «барьеров» между взаимодействующими сторонами – 27,7 %;

4) возбуждение интереса и активности участников следственного действия – 26,3 % и др.

Следует заметить, что представленные приемы установления психологического контакта используются лицом, осуществляющим допрос, как взятые в отдельности (что встречается крайне редко), так и в их совокупности.

Говоря о практических путях совершенствования психологического климата на допросе, отметим, что успешная реализация рассматриваемого метода требует расширения неофициальной структуры взаимоотношений (диалога) следователя и участника следственного действия. Для создания деловой обстановки необходимо, чтобы неофициальная и официальная части допроса соответствовали и дополняли друг друга, плавно «перетекали» одна в другую. Успех общения здесь во многом определен способностями следователя вникать в проблемы «собеседника».

В качестве характерных способностей и навыков следователя вступать в контакт с фигурантами, вовлекаемыми им в процесс расследования по делу, получать от них на допросе наиболее полную и достоверную информацию, следует отнести коммуникативные способности: вежливость, эмоциональную устойчивость, общительность, умение разговаривать с людьми, знание людей, простоту, скромность, чуткость, выдержанность и некоторые другие.

Надо признать, что практика деятельности следственных аппаратов свидетельствует об обратном: на данный временной период многие сотрудники не обладают должной коммуникативной компетентностью. Низкий уровень психологических знаний, отсутствие навыков профессионального общения (особую трудность представляет установление психологического контакта с участниками уголовно-процессуальных отношений) и, как следствие, отсутствие установки следователя на продумывание сценария проведения от-

дельных следственных действий и тщательной подготовки к ним влекут подмену использования наиболее эффективных приемов психологического воздействия: в лучшем случае – общение на бытовом уровне (иначе не назовешь), в худшем – вербальное взаимодействие заменяется физическим насилием, угрозами, оскорблением и пр.

Перечисленное свидетельствует о недостатках в сфере профессиональной подготовки должностных лиц, которые наделены правом производства по уголовным делам, особенно в вопросах психологии и педагогики¹.

Коммуникативность тесно связана с культурой общения, мышления и языка. Именно здесь важное место отводится языку и стилю речи следователя. Однако ограничиваться лишь вербальным контактом было бы крайне неразумно, ведь информация содержится не только в словах и само поведение следователя несет определенную информацию: «Люди, искушенные в „языке тела“, обладают большей пластичностью во взаимодействии с другими на основе невербальной коммуникации»². Средствами передачи информации (осознанно и / или бессознательно) являются тембр голоса, мимика, пантомимика, жесты и даже паузы, короткий или длительный период молчания.

Отслеживая особенности речевого и неречевого поведения допрашиваемого, следователь не должен забывать о том, что он сам является мощным источником управляющей информации и вербального, и невербального характера. *(Снова подчеркну – это самое непосредственное ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ на фигуранта по делу независимо от его процессуального положения. – Е. З.)*. Информационные сигналы, идущие от следователя, способны сыграть двойную роль: с одной стороны, разрушить благоприятно складывающуюся атмосферу информационного взаимодействия с партнером по процессуальной коммуникации; с другой – придать

¹ См.: Башкирский А. И. Коммуникативная компетентность следователя как одно из важнейших условий успешного расследования преступлений // Психологическое обеспечение деятельности ОВД в современных условиях. Челябинск, 2002. С. 51.

² Андрианов М. С. Новые перспективы анализа процессов невербальной коммуникации // Психологическое обеспечение правоохранительной деятельности. М., 2008. С. 104.

ей новые импульсы дальнейшего развития, переломить неблагоприятную ситуацию, направить ее в нужное русло. В связи с этим следователь обязан жестко контролировать не только свои вербальные, но и невербальные реакции и ставить их на службу профессиональной деятельности, особенно в ходе проведения такого следственного действия, как допрос. Психологами установлено, что в процессе речевого общения лишь 7 % информации передается непосредственно словами, а звуками и интонацией – до 38 %, жестами, позой, телодвижениями, перемещением в пространстве – до 55 % полезных (воспринимаемых и анализируемых оппонентом) сведений¹.

Предпосылкой для формирования устойчивой деловой активности взаимодействующих сторон являются и профессионально важные качества личности следователя:

- интеллектуальные;
- характерологические (настойчивость, самостоятельность, терпение, самообладание, принципиальность, последовательность, решительность, оперативность и т. п.);
- психофизиологические (способность к сосредоточению, эмоциональная уравновешенность, психическая выносливость, значительный объем внимания, переключаемость, быстрая ориентировка в новых условиях, «помехоустойчивость»)².

Для реализации и достижения продуктивного общения в ходе допроса необходимо взаимное доверие сторон. Как таковое оно предполагает взаимный интерес следователя и участника уголовного судопроизводства к общению и, соответственно, стремление к обмену информацией. Психологическое содержание доверительности между фигурантом, вовлеченным в процесс расследования, и сотрудником правоохранительного органа заключается в субъективном ощущении безопасности и уверенности партнеров по общению друг в друге.

¹ См.: Образцов В. А., Богомолова С. Н. Криминалистическая психология. М., 2002. С. 371, 319. Примерно о таком же процентном соотношении говорится и в иных работах, например, см.: Лютынский А. М. Тактика допроса участников уголовного судопроизводства из числа лиц, осужденных к лишению свободы. М., 2008. С. 60.

² См.: Зорин Г. А. Психологический контакт при производстве допроса. Гродно, 1986. С. 8.

Участник уголовного судопроизводства, испытывая доверие к следователю, приобретает уверенность в том, что, активно содействуя раскрытию и расследованию уголовно наказуемого деяния, он не вызовет каких-либо неблагоприятных последствий для себя и благополучия своих близких. Он приходит к выводу, что ничем не рискует, полагаясь на следователя (дознателя), который, по его мнению, будет выступать гарантом соблюдения прав и интересов лица, вовлеченного в процесс расследования по делу в рамках процессуального положения. Лишь с должностным лицом, к которому участник следственного действия проникся доверием, он может поделиться тем, что его тревожит (как правило, подобное не находит отражения в процессуальных документах – этому процессу присуща приватность). Это очень важный психологический момент, так как трудно себе представить, что можно продуктивно сотрудничать с человеком, с которым находишься в конфликтных отношениях, или с тем, кто безразличен к твоей дальнейшей судьбе, когда тебе так необходима помощь и поддержка, а иногда и защита, когда ты очень сильно испытываешь в этом потребность. В связи с этим следователь должен проявлять максимальную терпимость к «слабостям» собеседника, искренне сочувствовать и сопереживать ему, вникая в его проблемы. Это является основой сближения взаимодействующих сторон. Лишь в том случае, когда допрашиваемый почувствует со стороны следователя неподдельный интерес к его тревогам и заботам, возможен переломный момент: откровение по интересующим следствие фактам.

Среди факторов, имеющих первостепенное значение для успешного общения, психологи выделяют надежность говорящего, понятность его сообщений. В ходе исследований был получен результат, что лица, которые оценивались партнерами как надежные, обладали значительными возможностями влиять на собеседника, а значит, получали необходимую им информацию. К действиям, которые могут повысить надежность в глазах реципиента, психологи относят:

- открытую демонстрацию своих намерений;
- проявление доброжелательного отношения;
- демонстрацию своей компетенции в обсуждаемом вопросе;
- умение убедительно излагать свои доводы¹.

¹ Более подробно об этом см.: Мелибруда Е. Я – ТЫ – МЫ. М., 1986. С. 148–149.

С нашими представлениями о намерениях тесно связано доверие к индивиду. Понимая, что человек руководствуется добрыми намерениями, мы готовы верить в то, что он пытается до нас донести. В то же время недостаточное понимание следователя, мотивов его поведения часто становится причиной недоверия к его словам со стороны допрашиваемого. Знание истинных намерений собеседника повышает вероятность взаимного доверия партнеров, даже если эти намерения не связаны напрямую с желанием добра и пользы другому. Если же должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, скрывает свои истинные мотивы (которые должны быть «на виду») даже из самых лучших побуждений, процесс общения нарушается и участник следственного действия начинает сомневаться в его надежности.

Так, С. Мика, обобщая результаты проведенных исследований в сфере психологии межличностного общения, пишет, что реципиент чувствует надежность говорящего, если считает его человеком компетентным в той области, о которой он говорит, если верит в добрые намерения говорящего, в то, что тот искренне хочет ему помочь¹.

Степень надежности следователя (дознателя) в глазах участника уголовного судопроизводства зависит также и от того, насколько последний уверен в нем как в источнике информации. Этому способствуют логика мышления следователя, подтверждение исходящей от него информации из других источников, умение предвидеть развитие событий и т. д. Надежность может значительно вырасти и за счет того, что люди, к мнению которых прислушивается фигурант по делу, положительно относятся к доводам, мнению должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, обоснованию им той или иной занятой по делу позиции и пр. Стремления последнего становятся тому понятнее, если следователь берет на себя ответственность за конечный результат. То, как источник информации воспримет намерения должностного лица в конкретный момент, в немалой степени зависит именно от следователя.

Здесь необходимо учитывать и то, что субъект уголовно-процессуальных отношений, кроме всего прочего, нуждается в эмоциональной поддержке. Однако чтобы готовность оказать помощь, проявление сочувствия и сопереживания были адекватно восприня-

¹ См.: Mika S. Wstep do psychologie społecznej. Warszawa, 1975. P. 318.

ты допрашиваемым лицом, рассматриваемая деятельность следователя должна подтверждаться и на невербальном уровне: речевое общение нужно сопровождать («поддерживать») соответствующими жестами, мимикой (о чем уже говорилось выше). Если при этом выражение лица и соответствующие жесты следователя согласуются со смысловым значением его слов, то высказывание приобретает большую ясность, понятность и убедительность. Умение следователя убедительно излагать информацию, заинтересованность и уверенность, с которой он ее преподносит, то, как он обосновывает свою позицию и говорит о том, что чувствует и думает, прямо пропорционально силе воздействия на источник доказательственной информации по делу.

Несомненно и то, что глубина и искренность в отношениях взаимодействующих сторон определяются тем, насколько эти стороны могут выражать и сдерживать свои чувства, эмоции в присутствии друг друга. Это значит, что, независимо от впечатления, которое произвел индивид, его показания, поведение на момент следствия или на предшествующем ему этапе, должностному лицу, в производстве которого находится уголовное дело, надлежит контролировать собственное психическое состояние, уметь управлять своей волевой и эмоциональной сферами. Участник уголовного судопроизводства вне зависимости от процессуального положения должен видеть в следователе психически уравновешенного человека, который объективно, беспристрастно разберется во всех обстоятельствах по делу, уважая честь и достоинство личности, соблюдая его права и законные интересы.

Допрос желательно проводить наедине с участником уголовного судопроизводства, если иное не предусмотрено законом, исключая присутствие посторонних лиц, которые могут не только отвлекать внимание, но и стеснять допрашиваемого в выводах, рассуждениях. Исследователи в области криминалистики и юридической психологии сходятся во мнении, что умение слушать должно быть профессиональной чертой следователя, ведь данное качество не менее важно, чем умение задавать вопросы¹. В ходе свободного рассказа,

¹ См.: Зорин Г. А. Руководство по тактике допроса. М., 2001. С. 48; Васильева О. А., Корма В. Д. Психологический реагент в криминалистике. М., 2008. С. 50–53; Васильев В. Л. Юридическая психология. СПб., 2011. С. 470–471; и др.

который носит довольно общий характер, успех допроса во многом зависит от предоставления возможности высказаться. Следовательно надо знать, что лица, особенно впервые вовлеченные в уголовный процесс, не задаются целью делить встречу на процессуальные показания и простую (ознакомительную) беседу, для них это цельный и серьезный разговор.

Как показывает анализ практики, существенным недостатком в работе следователя является частое, необоснованное прерывание допрашиваемого при описании им картины происшедшего, в результате чего нарушаются четкость и последовательность изложения. В подобных случаях фигурант по делу вынужден переключаться с повествования на восприятие и обработку информации, получаемой от следователя, которая, в свою очередь, может переориентировать его внимание на иной мыслительный образ. На этом основании нельзя без крайней надобности прерывать свободное повествование допрашиваемого; в противном случае ему свойственна своеобразная реакция ожидания подобных моментов, когда он может намеренно строить свой ответ так, чтобы уложиться в определенный интервал времени. Таким образом, следователь невольно «поощряет» участника уголовного судопроизводства на воспроизведение более общей, поверхностной информации.

Надо признать, что бесконфликтная ситуация на допросе не всегда выступает гарантом объективности и полноты показаний участника уголовного судопроизводства. Человеку свойственно забывание определенных моментов, что во многом зависит от индивидуальных особенностей его памяти. По этому поводу еще А. Ф. Кони писал, что память с течением времени имеет свойство искажать запечатленные вниманием образы и дает им иногда совершенно выцвести¹.

Доказано, что память человека содержит значительно больше информации, чем он способен вспомнить в какой-либо момент, а воспроизведение забытого можно стимулировать с помощью соответствующих условных сигналов, открывающих доступ к закрытым уровням памяти. Важно уметь определять тот «условный сигнал», который поможет допрашиваемому вспомнить недостающий факт.

¹ См.: Кони А. Ф. Память и внимание // Собр. соч. В 8 т. М., 1967. Т. 4. С. 106.

В подобных случаях следователь предлагает мысленно восстановить подробности происшедшего, задавая вопросы не только об устанавливаемых обстоятельствах, но и о событиях, предшествовавших преступлению, акцентируя внимание на особо ярком моменте, запечатленном в памяти фигуранта, вовлеченного в процесс расследования. Распространенным приемом восстановления забытого факта является допрос на месте происшествия или воспроизведение обстановки места происшествия с помощью фотографий, зарисовок, видеозаписей.

При оказании помощи в припоминании забытого следователю иногда целесообразно предъявить допрашиваемому вещественные доказательства, документы, ознакомить его с показаниями других лиц. Во избежание внушения эти показания должны касаться не интересующего следствие факта, а лишь отдельных ситуаций, при которых имело место определенное событие. Результативным оказывается прием логического согласования порядка следования вопросов с мыслительными представлениями допрашиваемого лица о происшедшем событии, когда последующий вопрос является продолжением предыдущего.

Большое значение имеет благоприятная обстановка при допросе, ничто не должно отвлекать внимание допрашиваемого, при этом необходимо уяснение им того, что установление истины по делу во многом зависит от степени его участия в ходе следствия.

В практической деятельности часто приходится иметь дело именно с добросовестными допрашиваемыми; следователь в ходе организационных мероприятий и проведения самого следственного действия, безусловно, стремится к достижению бесконфликтной ситуации. Однако интересы участников уголовного судопроизводства, обладающих искомой информацией, не всегда совпадают с целями следствия, в связи с чем проводимое следственное действие может спровоцировать конфликтную ситуацию.

Конфликт присущ всем сферам деятельности человека, пребывающего в обществе. В действительности конфликты носят объективный характер и являются неотъемлемой частью межличностных отношений, находят свое выражение (проявление) в любой деятельности человека, где цели и интересы сторон не совпадают, как результат соперничества и противодействия; они существовали и будут существовать до тех пор, пока живет цивилизация.

Особенно наглядно конфликтная ситуация проявляется на предварительном следствии, когда следователь и недобросовестный участник уголовного судопроизводства преследуют крайне противоположные цели или способы их достижения, в итоге напряженность отношений между участниками уголовно-процессуальных отношений препятствует успешному решению поставленной задачи. При допросе конфликтная ситуация возникает тогда, когда допрашиваемое лицо скрывает информацию (недоговаривает), умышленно ее искажает либо вообще отказывается от общения.

В сознании фигуранта по делу, принявшего решение дать ложные показания и создающего (формирующего и прорабатывающего) заведомо ложную информацию, предоставляемую в ходе допроса, существует два варианта события:

- во-первых, то, что имело место в действительности,
- во-вторых, вымышленный вариант – «легенда».

При этом как бы ни старался субъект, вовлеченный в процесс расследования, изъять из памяти образ того, что произошло в действительности, реальные события в его сознании, как показывают исследования физиологов, выступают более отчетливо, чем тщательно продуманная и, возможно, «отрепетированная» ложь.

В психологии принято выделять две основные формы лжи: умолчание и искажение. При умолчании лжец скрывает истинную информацию, но не сообщает ложной. При искажении лжец предпринимает некие дополнительные действия: он не только скрывает правду, но и предоставляет взамен ложную информацию, выдавая ее за истинную. Зачастую только сочетание умолчания и искажения приводит к обману, но в некоторых случаях лжец может достичь успеха и просто не говоря (не договаривая) всей правды¹.

В лице подозреваемого и обвиняемого в подавляющем большинстве случаев следователь встречает субъекта, который, будучи заинтересованным в исходе дела, имеет намерение представить свои противоправные действия и поведение в инкриминируемом ему уголовно наказуемом деянии в более выгодном для него свете, а порой и выдвигает заранее подготовленное ложное алиби. В основном у данной категории участников уголовного судопроизводства довольно отчетливо прослеживается защитная доминанта в виде

¹ См.: Эжман П. Психология лжи. СПб., 2000. С. 23.

отрицания и опровержения улик, имеющих в отношении них. Противодействие следователю в установлении обстоятельств по уголовному делу проявляется в виде активных и пассивных действий, т. е. допрашиваемый или сообщает заведомо недостоверную информацию, или вообще отказывается отвечать на поставленные вопросы (в следственной практике случаи отказа обвиняемого от дачи показаний достаточно редки: по нашим данным, это соотношение колеблется примерно в пределах 1 : 18).

Видов лжи очень много; в зависимости от того, в какой мере действительность, интересующая следователя, подвергается искажению, ложь бывает полной и частичной. Если при отказе или уклонении от дачи показаний противодействие расследованию носит явный, четко выраженный характер (здесь допрашиваемый не прибегает к изменению своих показаний на ложные), то с разоблачением ложных показаний дело обстоит намного сложнее. Так, в частности, Г. Г. Доспулов определяет дачу заведомо ложных показаний как сложное волевое действие, имеющее три звена: осознание цели, планирование и исполнение¹.

Искажения истины могут относиться как к конкретному фактическому обстоятельству исследуемого события, так и к событию в целом. В уголовно-процессуальной деятельности ложь, играя свою обычную роль (умышленное искажение действительности в сознании), противопоставляется усилиям следователя, вводя его в заблуждение при расследовании по уголовному делу, и является фундаментом для формирования неблагоприятной следственной ситуации. Чтобы информацию, исходящую от фигуранта по делу, можно было рассматривать в качестве заведомо ложных показаний, она должна обладать рядом характерных признаков:

- 1) субъект, предоставляющий информацию, должен осознавать ее заведомую недостоверность;
- 2) недостоверная информация должна быть передана субъекту доказывания, в производстве которого находится уголовное дело;
- 3) информация должна содержать сведения, входящие в предмет доказывания по делу или имеющие значение для принятия процессуального решения следователем или судом;

¹ См.: Доспулов Г. Г. Психология допроса на предварительном следствии. М., 1976. С. 49.

4) информация должна быть зафиксирована в установленном законом порядке и приобщена к материалам уголовного дела.

Правоприменительная деятельность в области уголовного судопроизводства – это борьба, в ходе которой от следователя требуются соответствующий уровень подготовки и навыки работы в неблагоприятных ситуациях. Разумеется, борьбу, соперничество, конфликт нельзя рассматривать как «войну» с определенной категорией лиц, вовлеченных в процесс расследования. Смысловая нагрузка этих понятий в ходе расследования в известной степени имеет условное, переносное значение. В уголовном судопроизводстве идет борьба не с конкретным недобросовестным фигурантом по делу «как личностью, а с отдельными проявлениями... низменных побуждений, за лучшее в этой личности»¹.

В результате сложившийся конфликтный характер допроса и «борьба» за информацию между взаимодействующими сторонами в обязательном порядке предполагают психологическое воздействие. Суть его заключается в оказании должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело, допустимого законом эмоционально-волевого и / или интеллектуального воздействия на психику лиц, имеющих отношение к расследуемому событию, в целях преодоления противоправных установок и получения от них достоверной и полной информации по делу, убеждения в целесообразности сотрудничества со следствием.

Однако побудительным началом к деловому позитивному сотрудничеству могут служить далеко не все методы психологического воздействия, довольно широкий перечень которых нашел отражение в научных источниках. К ним следует отнести прежде всего методы преодоления смыслового и эмоционального «барьеров», убеждения, обращения к положительным качествам допрашиваемого, примера и пр. Иные методы (например, принуждение, приказ и пр.) вряд ли применимы, учитывая стоящую перед следователем задачу по достижению взаимопонимания и доверия к нему со стороны конкретного участника следственного действия.

Не исключено, когда конфликтная ситуация на допросе возникает как следствие непонимания допрашиваемым лицом той роли, которую ему предстоит выполнять в ходе установления истины

¹ Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 30.

по делу, его психологического настроя на неприятие необходимости быть вовлеченным в уголовный процесс, неуравновешенности и пр. Указанные компоненты формируют негативное отношение конкретного лица к предстоящему допросу, как правило, еще до появления в кабинете следователя и предопределяют возникновение на пути к деловому сотрудничеству определенных «барьеров», имеющих смысловой и эмоциональный оттенок.

Стремясь убедить объект воздействия (фигуранта по делу) в преимуществах предстоящего сотрудничества, следователь должен заботиться не только об аргументации его обоюдной пользы для взаимодействующих сторон, но и о форме ее изложения. В сущности речь идет об овладении техникой ведения беседы, где затрагиваемые вопросы должны быть соотнесены с уровнем образования, житейским опытом, взглядами на жизненные ценности, увлечениями допрашиваемого и пр.

При решении вопроса об использовании в ходе допроса того или иного метода психологического воздействия нужно учитывать структуру личности человека, вовлеченного в расследование, а именно: индивидуально-психологические особенности (возраст, род занятий, интеллектуальное развитие, интересы, темперамент, прошлая и текущая деятельность), направленность личности (потребности, мотивы, цели, убеждения, идеалы), его процессуальное положение, степень заинтересованности в исходе дела и ряд других качеств. При систематизации данной информации следователю необходимо уделять особое внимание сведениям о прежних заслугах, социально полезных связях лица по месту работы и жительства, так как именно они могут быть использованы при решении задач по установлению необходимого контакта с допрашиваемым, получению от него правдивых показаний, укреплению намерения способствовать установлению истины по делу¹. Подчеркивая положительные качества личности, следователь помогает допрашиваемому преодолеть неуверенность в выгоде предстоящего сотрудничества, колебания. При их стимулировании лучше избегать долгих формальных уговоров, говорить искренне, убедительно.

¹ См.: Лавров В. П., Сидоров В. Е. Расследование преступлений по горячим следам. М., 1989. С. 53.

Если в результате детализации и конкретизации показаний допрашиваемого становится очевидной их ложь, то следователю необходимо принимать меры к выяснению (выявлению) причин, послуживших отправной точкой предоставления заведомо недостоверной информации, а тактико-психологические приемы допроса должны быть направлены на преодоление возникшей конфликтной ситуации. Чтобы уловить перемену в настроении допрашиваемого и изменение отношения к делу, следователь должен иметь способность понять его чувства и переживания, чутко реагировать на отдельные замечания, реплики, поступки, которые могут сигнализировать о направлении противодействия расследованию.

Серьезным препятствием на пути к взаимовыгодному сотрудничеству является система психологической защиты, вырабатываемая каждым из участников уголовного судопроизводства перед лицом реальной или воображаемой угрозы, которая является следствием его вовлечения в процесс установления обстоятельств подготовки и совершения уголовно наказуемого деяния, сокрытия следов преступной деятельности. На пути к преодолению столь нежелательного для взаимодействия психического состояния следователю придется прилагать немалые усилия, чтобы доходчиво и понятным языком разъяснить (в частности, возьмем за основу психологию лица, привлекаемого к уголовной ответственности) подследственному его процессуальное положение, значение для него достоверных показаний и деятельного раскаяния в совершенном.

Выбор соответствующей тактической позиции обусловлен личностными качествами допрашиваемого, его моральной чувствительностью к разоблачительным действиям следователя. Однако изменение показаний и правдивое признание – психологически трудный процесс, связанный с изменением установочной позиции, мотивационной переориентацией, эмоциональным напряжением. Переход от лжи к правде всегда связан с внутрличностным конфликтом – борьбой с самим собой¹. В связи с этим в криминалистических исследованиях имеет место рекомендация, согласно которой во всех случаях следователю не стоит спешить с фиксацией ложных показаний, так как допрашиваемому лицу будет намного сложнее отказаться от недостоверной информации, нашедшей официальное

¹ См.: Еникеев М. И. Психология следственных действий. С. 240.

отражение и закрепление в протоколе¹. Подобная ситуация ставит участника уголовного судопроизводства в определенную психологическую зависимость и порождает другую ложь. Особенно это касается свидетеля и потерпевшего, тем более что они предварительно были официально предупреждены о последствиях лжесвидетельства в порядке требований п. 2 ч. 5 и ч. 7 ст. 42, п. 2 ч. 6 и ч. 8 ст. 56 УПК РФ.

И все же лицу, обвиняемому в совершении уголовно наказуемого деяния, в случае отказа давать показания следователь прежде всего должен дать разъяснения о негативных последствиях подобной позиции. Здесь ставка делается на то, что человек всегда остается заинтересованным в своей судьбе, и рекомендации криминалистики и юридической психологии по разъяснению, что обвиняемый упускает возможность самозащиты (доказательства его виновности могут исследоваться и оцениваться односторонне) и вина может быть доказана и без его помощи, а вот смягчающие обстоятельства без его участия установить довольно сложно, остаются действенными и в современной сложной обстановке².

В следственной практике реализация мер преодоления противодействия всегда носит ситуационно-эвристический характер, в связи с чем целесообразно комбинировать доступные средства и способы в соответствии с его интенсивностью, временными факторами, наличием сил, имеющихся в распоряжении следствия, по методической схеме типа «признак противодействия следователю – адекватный прием, средство, метод преодоления противодействия или их комбинация»³.

¹ См.: Данное положение нашло отражение и в других источниках, см. напр.: Васильев А. Н., Карнеева Л. М. Тактика допроса при расследовании преступлений. М., 1970. С. 95; Ляхненко А. А. Проблемы преодоления противодействия в ходе расследования вымогательства, совершенного организованной преступной группой: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 20; и др.

² См.: Подшибякин А. С. Преодоление противодействия расследованию в ходе допроса // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации. М., 1997. С. 115; Еникеев М. И. Психология следственных действий. С. 167; Карагодин В. Н., Коровин С. В. Тактика проверки обоснованности подозрения в бандитизме // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 3. С. 56.

³ Ларин А. М. Нетрадиционные методы раскрытия преступлений // Гос-во и право. 1995. № 9. С. 60–66.

Должностному лицу, в производстве которого находится уголовное дело, необходимы глубокие знания в области общей и юридической психологии, умение реализовать их на практике, чтобы вовремя обнаружить рассмотренный выше настрой допрашиваемого и в результате единственно верных тактико-психологических действий вывести его из «дискомфортного состояния». Без учета данных особенностей и умения управлять эмоциональным состоянием допрашиваемого (гасить вспышки гнева, выводить из глубокой депрессии лиц, как привлекаемых к уголовной ответственности, так и претерпевших определенный вред в результате совершенного в отношении них противоправного деяния) трудно рассчитывать на полноту и достоверность показаний, поэтому определенную роль в этом процессе играет привлечение для участия в следственном действии специалиста-психолога, его консультации.

Иными словами, «современное состояние преступности таково, что противодействие ей вне психологического обеспечения теряет свою эффективность»¹. Следовательно на основании восприятия и оценки информации, исходящей от допрашиваемого лица, призван решать вопрос о тех помехах, которые имеют (могут иметь) место на пути от непосредственного восприятия информации, представляющей интерес для следствия, до словесного изложения следователю результатов его воспоминания, имеющейся у него мысленной модели произошедшего события².

В свою очередь, расследование по делу малоэффективно без четкого представления следователем того перечня задач, которые он должен решать в ходе конфликтного следствия, а именно:

- проникновение в планы соперничающей стороны или уже в осуществленные намерения, результаты которых ему неизвестны;
- конспирация собственных планов и маскировка своей информационно-тактической позиции (какие действия следователь намерен предпринять; что ему известно об обстоятельствах дела и возможной стратегии противодействующей стороны);

¹ Полтавцева Л. И. Криминалистика и психология: теоретические предпосылки и практические потребности интеграции. Ростов н/Д, 2002. С. 4.

² См.: Дулов А. В., Нестеренко П. Д. Тактика следственных действий. Минск, 1971. С. 61.

– латентное, так называемое рефлексивное управление процессом принятия соперничающей стороной своих, но фактически predeterminedных и вынужденных решений¹.

В подобной ситуации процесс допроса, безусловно, наиболее трудоемкий, а используемый спектр тактических приемов гораздо шире и сложнее, чем при допросе в бесконфликтной ситуации. Задача следователя здесь сводится к установлению причины негативной позиции допрашиваемого, ее нейтрализации, изобличению его и получению полных и достоверных показаний. В данном случае должностному лицу, осуществляющему расследование по делу, необходимо применение тактических приемов, которые направлены:

- 1) на выяснение мотивов ложных показаний лица, вовлеченного в процесс расследования;
- 2) стимулирование положительных личных качеств недобросовестного допрашиваемого;
- 3) установление в показаниях фигуранта по делу противоречий, разоблачающих ложь².

Кроме того, в конфликтной ситуации для следователя чрезвычайно важно умение прогнозировать, предвидеть поведение допрашиваемого лица и ход его мыслей; этим во многом определяется положительный результат допроса. Такое предвидение осуществляется с помощью «рефлексивного мышления», которое присуще всем людям, но уровень его развития и проявления сугубо индивидуален.

Прибегая к рефлексии, следователь отражает в динамической модели и себя самого и допрашиваемое лицо, имитирует ход его мыслей, его поведение и, оперируя этой моделью, принимает, по его мнению, единственно верное решение. При этом он должен представить не только себя с точки зрения участника уголовного судопроизводства, но и видение самого допрашиваемого о себе в понимании следователя³. Наличие развитого рефлексивного мышления позволяет следователю «проникать» во внутренний мир ис-

¹ См.: Ратинов А. Р. Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике // Правовая кибернетика. М., 1970. С. 191.

² См.: Лукашевич В. Г. Тактика общения следователя с участниками отдельных следственных действий. Киев, 1989. С. 49.

³ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. М., 1997. Т. 2. С. 201.

точника информации по делу, воздействовать на его мыслительную деятельность, управляя ею в целях преодоления конфликтной ситуации на допросе.

По этому поводу профессор Р. С. Белкин отмечал, что рефлексивное управление, открывая большие возможности для установления истины в процессе расследования, в то же время чревато осложнениями в работе по делу, если следователь уступит противнику в ранге рефлексии. Между тем ранг рефлексии зависит от влияния целого ряда факторов: врожденных и «благоприобретенных» способностей, объема знаний и профессиональных навыков, готовности к рефлексивным рассуждениям и умения «вживаться» в противника, субъективного состояния. Развитие всех этих качеств и умений – необходимый элемент профессиональной подготовки и совершенствования следователей¹.

В условиях конфликтной ситуации важным фактором является не только предвидение замысла допрашиваемого лица в части аргументации своих недостоверных показаний, но также преодоление и нейтрализация противодействия посредством применения различных приемов и методов психологического воздействия, допустимых с точки зрения закона и профессиональной этики. Именно в конфликте особенно ярко проявляется профессионализм следователя, когда он в целях выяснения обстоятельств по делу получает искомую информацию, воздействуя на психику участника следственного действия, убеждает того отказаться от неверной позиции и дать искомые достоверные показания по существу.

По мнению специалистов в области криминалистики и юридической психологии, психологическое воздействие всегда имеет место в процессе предварительного расследования и являет собой целенаправленное воздействие на обвиняемого, подозреваемого, свидетеля, потерпевшего. При этом нельзя путать психологическое воздействие и психическое насилие, допуская и оправдывая их взаимозаменяемость.

Надо заметить, что грань между психологическим воздействием и психическим насилием определяется наличием свободы выбора.

¹ См.: Ратинов А. Р., Ефимова Н. И. Психология допроса обвиняемого. М., 1988. С. 94–95.

При насилии допрашиваемый существенно ограничен или вовсе лишен возможности выбора для себя линии поведения. На этом основании при изучении роли следователя в различных ситуациях в научных источниках проводится мысль о том, что в отличие от насилия правомерное психическое влияние само по себе не диктует конкретных действий, не вымогает показания того или иного содержания. Вмешиваясь во внутренние психические процессы, субъект доказывания формирует правильную позицию, сознательное отношение индивида к своему поведению и лишь опосредованно подводит к выбору определенной линии в ходе проведения конкретного следственного действия в частности и / или на период расследования по делу в целом.

Следователь воздействует не на содержание показаний, а на мотивационную сферу допрашиваемого лица; существенное значение при этом имеет воздействие на антиципирующую (предвосхищающую) деятельность лица, уклоняющегося от дачи правдивых показаний¹.

В конфликтной ситуации фигурант по делу, выдавая ложь за истину, переживает своеобразный внутренний конфликт: в его сознании происходит борьба различных чувств и мотивов, выражающаяся в решении мыслительной задачи: какие показания для него наиболее благоприятны и выгодны? Недобросовестный допрашиваемый опасается быть уличенным во лжи и, соответственно, наступления в результате этого нежелательных для него последствий. Идет так называемая борьба мотивов: тенденция к сообщению информации, интересующей следствие, в этом случае противостоит не менее сильной, весомой тенденции «не вступать в общение в связи с опасением за исход взаимодействия и боязнью отрицательных оценок»².

Именно в этот момент, момент внутренней психологической борьбы, следователь не имеет права проявлять безразличие (самоустраняться), он должен своими активными действиями побуждать участника следственного действия к выбору той линии поведения на допросе, которая решает задачу выяснения обстоятельств совершенного уголовно наказуемого деяния. Нельзя упускать такой

¹ См.: Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Указ. соч. С. 195.

² Филонов Л. Б. Указ. соч. С. 22.

благоприятный момент. В этом и заключается сущность тактики допроса, умелое применение разработок которой лишает недобросовестного допрашиваемого возможности умолчать о важных обстоятельствах по делу или исказить истину по делу.

Наиболее сильное психологическое воздействие оказывает предъяснение совокупности неоспоримых изобличающих (во лжи, в совершении преступления) доказательств. В случае их недостаточности следователь должен использовать тактические преимущества, применяя «следственные хитрости», в частности маневрирование информацией, особенно там, где она имеет существенные пробелы.

При всей неоднозначности отношения правоведов к «следственным хитростям» и всех достоинствах и недостатках их применения надо признать, что они, способствуя установлению истины по делу, не могут повлиять на позицию лица, не обладающего искомой информацией, так как не содержат обмана или насилия. Будучи правомерными и нравственно допустимыми, «следственные хитрости» выступают в качестве компонента индивидуального следственного мастерства – необходимой предпосылки решения задач, стоящих перед правоохранительными органами в целом.

Когда в системе доказательственной информации имеются существенные пробелы, следователь решает проблему ее получения посредством оставления допрашиваемого в неведении относительно объема доказательств по делу, которыми располагает следствие. Тактически правильным будет принятие мер к «зашифровке» дефицита информации, что создаст преувеличенное представление у подсудимого об осведомленности следователя. Здесь же приемлемы так называемые следственные хитрости, исключая, естественно, любые формы обмана и удостоверения несуществующих фактов.

Перед использованием подобного приема необходимо знать, что нередко и подследственные являются прекрасными психологами, умеющими находить слабые места в позиции следователя. Подчас даже по произвольным жестам или выражению лица следователя обвиняемому удастся установить, какие доказательства его виновности имеются в наличии у допрашивающего, а какой информацией по делу он не обладает.

Сразу следует оговориться, что использование в качестве побудительных мотивов низменных склонностей допрашиваемого

(пристрастие к алкоголю, наркотикам, ненависть к лицам другой национальности и пр.), а также психическое и физическое насилие над личностью, которое запрещено законом под угрозой уголовного преследования (ст. 302 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)), недопустимы. Их применение порой приводит к положительному результату, но и не исключает оговора невиновных лиц и самооговора.

В зависимости от степени осознания характера принуждения самой личностью, на которую оно направлено, считаем возможным разделить подобные воздействия на две группы:

1) группа «открытых» видов психического принуждения, к которой могут быть отнесены:

- пытка,
- шантаж,
- издевательства,
- угроза,
- создание искусственных стимулов;

2) группа «завуалированного» психического принуждения. Характерным признаком здесь является наличие условий, препятствующих свободной адекватной оценке личностью сложившейся ситуации и своей роли в ней; к ней можно отнести:

- ложь,
- фальсификацию,
- использование психотропных и наркотических веществ, подавляющих волю,
- недобросовестный гипноз.

Следовательно нет необходимости прибегать к указанным формам реализации тактических приемов, так как в его распоряжении имеется неограниченный запас правомерных средств: прямой отказ в сообщении интересующихся сведений, умолчание, реплики и заявления, допускающие многозначительное толкование, создание ситуаций, скрывающих действительное положение дела, разнообразные вопросы, которые способны породить те или иные догадки у допрашиваемого¹.

¹ См.: Ратинов А. Р., Адамов Ю. П. Лжесвидетельство. М., 1976. С. 101.

Воздействие со стороны следователя правомерно и допустимо в том случае, когда оно законно и приемлемо с позиции нравственности. При этом он должен использовать к каждому участнику уголовного судопроизводства индивидуальный подход, который предполагает:

а) достаточно хорошее знание объекта воздействия, его возрастных, психологических и иных особенностей;

б) установление с ним правильных, обусловленных обстоятельствами дела, обстановкой и личностными качествами, взаимоотношений;

в) учет специфики сложившейся тактической ситуации¹.

Соответственно, междисциплинарные теоретические и эмпирические исследования позволяют сформулировать и расположить иерархически некоторый ряд общих критериев допустимости средств воздействия:

1) юридический критерий (соответствие духу и букве закона, соблюдение прав граждан и выполнение обязанностей);

2) этический (нравственная приемлемость с точки зрения морали и норм профессиональной этики);

3) гносеологический (познавательная ценность, научная обоснованность)².

В практической деятельности расследование сопряжено с большими трудностями, поскольку познание обстоятельств осуществляется ретроспективно, как правило, при весьма интенсивном противодействии заинтересованных в исходе дела лиц. В нашем случае психологические методы призваны блокировать (нейтрализовать) противодействие расследованию посредством воздействия на смысловую сферу индивида. Вполне естественно, что в подобной ситуации деятельность должностного лица, ведущего расследование, по созданию благоприятного психологического климата предполагает преодоление указанных «барьеров» психической напряженности и сопровождающих ее отрицательных эмоций.

¹ См.: Хайдуков Н. П. Тактические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 15.

² См.: Зорин Г. А. Руководство по тактике допроса. М., 2001. С. 21.

Преодоление противодействия расследованию связано с воздействием на «защитный центр», создаваемый сознанием участника уголовного судопроизводства при реальной угрозе его жизненному или материальному благополучию. Этот центр контролирует складывающуюся вокруг субъекта ситуацию и управляет организацией его защиты, в большей степени психологической. Следователь посредством применения разнообразных тактических приемов должен соответствующим образом воздействовать на контролируемую часть защитного центра сознания фигуранта, устраняя субъективные причины противодействия и нейтрализуя побуждающие к противодействию мотивы. Это ведет к тому, что управляющая часть защитного центра снимает препятствия вокруг сведений, следствием чего является высвобождение истинной информации по делу, получение которой – конечная цель воздействия на субъект противодействия, скрывающего информацию об имевшем место преступном деянии или дающего о нем ложные показания¹.

Для того чтобы следователь мог решать проблемы установления истины по делу, он вправе и даже обязан в процессе расследования оказывать психологическое воздействие на недобросовестных допрашиваемых, вовлеченных в уголовный процесс. Указанное воздействие на допросе признали вполне допустимым и эффективным 96,8 % респондентов из числа опрошенных должностных лиц, осуществляющих в рамках своих служебных обязанностей раскрытие и расследование совершенных уголовно наказуемых деяний.

На основе изложенного предлагаем под **психологическим воздействием** понимать правомерные, нравственно приемлемые действия следователя по передаче собеседнику (участнику уголовного судопроизводства) информации (вербальным и невербальным путем), которая активизирует его мыслительный процесс, в целях побуждения к содействию в раскрытии и расследовании преступления.

¹ См.: Кучеров А. В. Дача ложных показаний и отказ от дачи показаний в аспекте противодействия расследованию воинских преступлений // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации. М., 1997. С. 142.

Как итог: при общении индивидов даже в повседневной деятельности, а тем более в ходе производства по делу психологическое воздействие является не просто обязательным атрибутом – ему свойственна закономерность: в одном случае оно происходит в известной степени произвольно, например в процессе ознакомительной беседы, в другом – со стороны следователя носит целенаправленный характер, преследуя цель получения достоверных показаний.

ГЛАВА 2

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ КАК СПОСОБЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА: ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ

§ 1. Психологическое воздействие и психическое принуждение: содержание понятий, их соотношение

В первой главе настоящего пособия отмечалось, что тактика допроса определяется следователем (дознавателем) самостоятельно, на основе ряда факторов: специфики следственной ситуации, складывающейся на момент принятия следователем решения о проведении допроса, позиции допрашиваемого лица в отношении виновности в инкриминируемом ему деянии; особенности его психологического портрета (если имеются соответствующие данные), а также характеристики его личности. В связи с этим следует отметить существенную роль при выборе тактики допроса такого обстоятельства, как наличие криминального опыта у допрашиваемого лица, в том числе связанного с отбыванием наказания в исправительных учреждениях. При наличии такового следователь (дознатель) должен сознавать неэффективность большей части тактических приемов, в том числе рассчитанных на боязнь попадания лица в криминальную среду.

Допрос – это психологический поединок в борьбе за искомую информацию¹. Психологически обоснованный тактический прием отличается *избирательной направленностью*: он должен оказать наибольшее воздействие на психическое состояние допрашиваемого и быть нейтральным в отношении невиновных².

Несмотря на то что тактические приемы, как правило, не являются объектом правового регулирования, иногда рекомендации по их содержанию и тактике реализации представляются в нормативной форме. Целью подобной регламентации выступает унификация

¹ См.: Соловьев А. Б. Использование доказательств при допросе на предварительном следствии: метод. пособие. М., 2001. С. 99.

² См.: Еникеев М. И., Образцов В. А., Эминов В. Е. Следственные действия: психология, тактика, технология: учеб. пособие. М., 2011. С. 80.

допустимых способов воздействия на участников уголовно-процессуальных отношений, которая осуществляется с учетом специфики расследуемого деяния. Вместе с тем анализ указанных рекомендаций позволяет признать их универсальность и приемлемость для большинства следственных ситуаций. Примером могут служить рекомендации Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации, адресованные субъектам, осуществляющим расследование преступлений, предусмотренных ст. 178 УК РФ (ограничение конкуренции). В частности, рекомендуемыми тактическими приемами допроса в случае дачи допрашиваемым ложных показаний или утаивания части информации являются: детализация показаний в целях выявления в них внутренних противоречий (поскольку группе лиц сговориться обо всех деталях события практически невозможно); использование противоречий внутри показаний допрашиваемого или с другими доказательствами; предъявление доказательств в последовательности, зависящей от установки допрашиваемого на противодействие предварительному следствию; внезапная постановка вопроса, прямо не связанного с предыдущим; прием косвенного допроса; предварительная проверка возможных ложных объяснений для их опровержения¹.

Психологическое воздействие, оказываемое в отношении допрашиваемого лица, является квинтэссенцией любого тактического приема. К числу характерных признаков психологического воздействия, осуществляемого в рамках уголовного процесса, исследователи относят избирательность, зависимость от сложившейся следственной ситуации, необходимость учета при выборе стратегии, вида, средств влияния особенностей лица, на которое рассчитано такое воздействие, соответствие методов, приемов, технологий воздействия требованиям уголовно-процессуального законодательства и нормам морали, нравственности и профессиональной этики².

¹ См.: Об утверждении методических рекомендаций (вместе с «Методическими рекомендациями об организации взаимодействия ФАС России с заинтересованными правоохранительными органами по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с ограничением конкуренции (статья 178 Уголовного кодекса Российской Федерации)»: приказ ФАС России от 8 августа 2019 г. № 1073/19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Степаненко Д. А. Психологическое воздействие в уголовном судопроизводстве: понятие и критерии допустимости // Российский следователь. 2014. № 9. С. 52–56.

Формируя для себя «каталог» тактических приемов, следователь (дознатель) должен четко представлять правовые и этические критерии их приемлемости. Критерии первого вида имеют объективную форму и определяются на основе запретов совершения определенных деяний, установленных международными актами и уголовным законодательством России. Критерии этического характера являются более размытыми, поскольку зачастую не охватываются правовыми запретами; в этом случае субъект, осуществляющий допрос, определяет их самостоятельно, исходя из своих моральных принципов и собственной интерпретации известного постулата «цель оправдывает средства».

Важнейшей правовой задачей, стоящей перед субъектом, осуществляющим допрос, является умение проводить грань между способами психологического воздействия на допрашиваемое лицо и способами воздействия, имеющими признаки уголовно наказуемого психического принуждения.

Следует заметить, что принуждение нельзя считать деянием, априори имеющим негативный оттенок. Это многоаспектное понятие, используемое не только в юридическом, но и в философско-этическом контексте. В правовом смысле принуждение можно разделить на два вида – законное и незаконное. Принуждение в законном смысле – это инструмент государственного управления обществом, поэтому в теории государства и права его рассматривают в качестве имманентного признака любого государства, а точнее – вида деятельности, монополизированного им. Принуждение определяется как метод воздействия государства на всех подпадающих под его юрисдикцию субъектов с целью подчинить их своей воле, выраженной в законодательной форме. В силу этого у теоретиков права данный термин всегда ассоциируется с правомерными действиями, осуществляемыми государственными и негосударственными субъектами в рамках законодательно предоставленных полномочий. Замечу, что правомерное принуждение всегда имеет четко очерченные законом пределы.

В русском языке понятие «принуждение» содержит негативный оттенок и означает склонение человека к нежелательному, противоречащему его интересам варианту поведения. Семантика слова «принуждение» позволяет заключить, что это совершение какого-либо действия «при нужде», т. е. под воздействием чужой воли.

В толковых словарях глагол «принуждать» определяется, главным образом, как «заставить что-нибудь сделать, силой побудить к чему-либо».

Принуждение в сфере уголовного судопроизводства, рассматриваемое как способ воздействия на личность, обладает и правомерным, и противоправным характером. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством целый ряд следственных действий может быть осуществлен принудительно, в том числе посредством применения физического воздействия (например, личный обыск – ст. 184 УПК РФ). Этот аспект принуждения обусловлен необходимостью достижения цели, соответствующей интересам правосудия, но не реализуемой вне государственного воздействия. Оно же, в свою очередь, осуществляется в отношении субъектов, не исполняющих либо не в полной мере исполняющих свои процессуальные обязанности. Такого рода принуждение всегда сопряжено с ограничением прав указанных субъектов и осуществляется в установленных законом процессуальных формах.

Свое толкование процессуальной форме принуждения дал Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ). В постановлении Пленума ВС РФ от 13 июня 2017 г. № 21 «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел» дается толкование понятию «мера процессуального принуждения»: это действие, совершаемое судом в отношении лица, нарушающего установленные в суде правила и препятствующего осуществлению административного судопроизводства. Под нарушением установленных в суде правил суд предлагает понимать неисполнение процессуальных обязанностей, предусмотренных законом и / или возложенных судом на определенное лицо в соответствии с положениями закона, в том числе обязанности добросовестно пользоваться процессуальными правами, т. е. не допускать злоупотреблений ими¹.

Можно ли, проводя аналогию с неисполнением процессуальных обязанностей в суде, заключить, что лицо, не обладающее в соответствии с законом иммунитетом, предусмотренным ст. 51 Консти-

¹ См.: О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел: постановление Пленума ВС РФ от 13 июня 2017 г. № 21. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

туции Российской Федерации, не выполняет свою процессуальную обязанность, давая неполные либо ложные показания? Полагаю, что ответ должен быть утвердительным. Вместе с тем допрос – это следственное действие, процессуальная форма которого не содержит указания на возможность принудительного воздействия, несмотря на то что отказ от дачи показаний (ст. 308 УК РФ), равно как и заведомо ложные показания (ст. 307 УК РФ) уголовно наказуемы.

В рамках уголовного судопроизводства неправомерными можно считать любые формы и способы принуждения, которые либо прямо запрещены законом, либо не предусмотрены им. В последнем случае следует учесть, что принуждение в рассматриваемой нами сфере отношений всегда сопряжено с ограничением прав и свобод человека, а оно, в свою очередь, может устанавливаться только федеральным законом¹. В законе должны быть установлены цели, основания, пределы ограничения, а также круг субъектов, полномочных осуществлять конкретные правоограничительные действия.

Замечу, что Конституционный Суд Российской Федерации, опираясь на конституционно закрепленную идею о ценности человека и его прав (ст. 2 Конституции Российской Федерации), отмечал, что во всех случаях, когда возникает сомнение в целесообразности установления ограничений прав и свобод, предпочтение необходимо отдавать правам и свободам, поскольку личность является не объектом государственной деятельности, а полноправным субъектом, что обязывает государство обеспечивать уважение достоинства личности².

В чем же заключается отличие противоправного принуждения от правомерного психологического воздействия? Исследователи справедливо отмечают, что в теории уголовного права нередко происходит смешение терминов «принуждение» и «насилие», «принуждение» и «понуждение». В контексте данной работы нас интересует понятие принуждения, которое используется законодателем в диспозиции ст. 302 УК РФ и к которому в научной литературе сложились разные подходы. Обобщив их, выделим ряд признаков:

¹ Данное требование продиктовано положением, содержащимся в ч. 3 ст. 55 Конституции России.

² См.: По делу о проверке конституционности п. «г» ст. 19 Закона РФ «О гражданстве РФ» в связи с жалобой А. Б. Смирнова: постановление Конституционного суда РФ от 16 мая 1996 г. // СЗ РФ. 1996. № 21.

а) принуждение выражается в незаконных действиях, нацеленных на получение показаний, которые могут носить как ложный, так и правдивый характер;

б) методы принуждения могут быть негуманными, жестокими, унижающими достоинство лица, которому они адресованы;

в) принуждение нарушает принцип добровольности дачи показаний, подавляет волю лица, в результате чего оно действует вопреки собственным интересам;

г) принуждение может быть совершено только путем активных действий.

Психологический аспект принуждения как вида воздействия на личность в сфере уголовного судопроизводства характеризуется деструктивной направленностью, способностью посягать на психологическую безопасность личности. Этот вид безопасности определяется, с одной стороны, как осознание человеком состояния собственной защищенности (ощущение чувства надежности, уверенности; отсутствие страха, тревожности и т. п.), с другой – как объективное отсутствие угрозы психического насилия. Состояние защищенности должно являться результатом создаваемой информационной среды (психика не функционирует вне информационного взаимодействия) и условий взаимодействия, не способствующих нарушению психического статуса лица, находящегося в орбите уголовно-процессуальных отношений¹.

Сегодня в научном обороте иногда встречается понятие «негативное психологическое воздействие». Его суть заключается в разрушении состояния психологической защищенности личности, выведении ее из зоны психологического комфорта и, как следствие, подчинении своей воле. Между тем термин «негативное» еще не означает «противоправное», поэтому указанный вид воздействия, не выходящий за рамки законного, не должен отвергаться категорично. Априори неприемлемым следует считать воздействие, осуществляемое в формах, прямо запрещенных правом. При этом степень правовой приемлемости деяния следует оценивать с опорой не только на российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, но и на международные договоры с участием России, а также

¹ См.: Степаненко Д. А. Указ. соч. С. 54.

практику международных органов, осуществляющих рассмотрение жалоб по фактам нарушений государствами своих договорных обязательств.

В научной литературе к способам принуждения относят как психическое, так и физическое насилие, при этом им даются различные определения, по сути, не имеющие кардинальных отличий. В частности, физическое насилие рассматривается как воздействие на тело человека, его внутренние органы, в том числе мозг (например, путем введения в организм сильнодействующих ядовитых веществ); под психическим насилием предлагается понимать информационное воздействие на психику человека с помощью угроз, оскорблений, гипноза и т. п.¹ Вместе с тем некоторые исследователи делают акцент на том, что в уголовно-правовом смысле принуждение и насилие не являются тождественными понятиями. Между ними существует принципиальное отличие, обусловленное целью принуждения – подавить волю лица и заставить его поступить определенным образом в интересах принуждающего. Насилие само по себе такой цели не преследует. Насилие – как физическое, так и психическое – может выступать способом принуждения. Однако принуждение может осуществляться и без применения насилия².

Таким образом, в содержании принуждения, связанного с насилием, можно выявить два элемента: первый – это адресованное принуждаемому требование выполнить деяние, обусловленное волей принуждающего лица; второй – физическое или психическое насилие, используемое как средство подавления воли принуждаемого с целью обеспечить выполнение адресованного ему требования.

Анализ объективной стороны чч. 1 и 2 ст. 302 УК РФ свидетельствует о возможности применения при совершении данного преступления обоих указанных видов насилия, как психического (например, угроз – ч. 1 ст. 302 УК РФ), так и физического (насилия – ч. 2 ст. 302 УК РФ и т. д.).

¹ См., напр.: Кондрашова Т. В. Физическое или психическое принуждение // Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. И. Я. Козаченко, д-р юрид. наук, проф. З. А. Незнамова. 2-е изд., стереотип. М., 2000. С. 278.

² См.: Замылин Е. И., Намняева В. В., Борисов В. И. Противоправное воздействие на интересы правосудия: подкуп и принуждение (общая характеристика, проблемы ответственности, методы борьбы и нейтрализация). Волгоград, 2016. С. 191.

Логично предположить, что основным критерием разграничения тактических приемов как способов психологического воздействия на личность и психического принуждения должен выступать признак правомерности оказываемого воздействия. Однако существует и другая точка зрения, базирующаяся на более широком арсенале средств оценки. А. Л. Южанинова предлагает свою классификацию видов воздействия:

- 1) противозаконное воздействие, представляющее психическое насилие;
- 2) правомерное воздействие, фактически являющееся психическим насилием;
- 3) правомерное воздействие, не ограничивающее свободу личности;
- 4) неправомерное психическое воздействие, не являющееся психическим насилием¹.

В научной литературе правомерное психологическое воздействие, осуществляемое в сфере уголовно-процессуальных отношений, определяется как «внешнее по отношению к объекту воздействия и отраженное им действие или бездействие воздействующего лица с целью повлиять на позицию, мотивационно-смысловую, эмоциональную сферу и волевую активность объекта воздействия в сложившейся следственной, судебной ситуации, с учетом особенностей объекта воздействия и с использованием психологического инструментария, который применяется в соответствии с принципом законности, нормами морали, нравственности и профессиональной этики и отвечает критерию психологической безопасности»².

Замечу, что психологическое воздействие на субъект уголовно-процессуальных отношений может оказывать не только субъект, наделенный полномочиями публичного характера (следователь, дознаватель), но и причастные к этому иные заинтересованные лица, стремящиеся придать показаниям допрашиваемого лица определенную содержательную направленность. В связи с этим следует обратить внимание на возможности психолого-психиатрической экспертизы, которая способна содействовать выявлению признаков воз-

¹ См.: Южанинова А. Л. Предмет и задачи судебно-психологической экспертизы психического воздействия // Вестник Саратовской государственной академии права. 2007. № 1 (53). С. 166.

² Степаненко Д. А. Указ. соч. С. 53.

действия на лицо как со стороны субъектов, осуществляющих функции следствия и дознания, так и со стороны иных заинтересованных лиц. Примером может служить комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, назначенная в рамках расследования по уголовному делу, возбужденному по признакам ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера) в отношении 9-летней потерпевшей Х. Среди вопросов, поставленных перед экспертами, был о том, имеются ли в представленных документах (протоколах допросов Х.) признаки психологического воздействия на Х., оказавшего существенное влияние на ее показания (нехарактерные для уровня психического развития 9-летней девочки обороты речи, чужой лингвистический стереотип и т. д.)¹.

§ 2. Этико-правовые аспекты «открытых» видов психологического воздействия при производстве допроса, их разграничение с психическим принуждением

Психическое принуждение при допросе, равно как и психологическое воздействие, может осуществляться открыто, т. е. осознаваться допрашиваемым лицом, а может быть завуалированным – не осознаваемым адресатом. Анализировать приемлемость того или иного способа воздействия на личность целесообразно «от противного», отсекая способы противоправного и этически недопустимого характера. Среди «открытых» видов психического принуждения, которые могут применяться при допросе, наиболее одиозным является пытка.

Под пыткой согласно Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания понимается «любое действие, посредством которого любому человеку умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие,

¹ См.: Скабелина Л. А. Судебно-психологическая экспертиза: тактика работы адвоката с вопросами // Адвокатская практика. 2018. № 4. С. 26–31.

которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включаются боль и страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно»¹.

Пытка всегда совершается с прямым умыслом. В соответствии с упомянутой Конвенцией пытка может преследовать следующие цели:

- 1) получение от подвергаемого пытке лица или от третьего лица сведений или признаний;
- 2) наказание подвергаемого пытке лица за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается;
- 3) запугивание подвергаемого пытке лица или третьего лица;
- 4) принуждение подвергаемого пытке лица или третьего лица;
- 5) дискриминация любого характера.

Перечень предлагаемых Конвенцией целей является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию, следовательно, национальное уголовное законодательство должно формироваться с учетом этого положения.

Важно отметить принципиальную позицию авторов Конвенции: «Никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием пыток»².

Международные правовые нормы, содержащие запрет на применение пыток, нашли отражение в современном российском законодательстве. Свободу от пыток, зафиксированную в ст. 21 Конституции Российской Федерации, нередко называют «негативной свобо-

¹ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (заклочена 10 декабря 1984 г., с изм. от 08.09.1992). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же.

дой», поскольку она является свободой от определенного воздействия, а не свободой, предполагающей возможность совершения каких-либо деяний. Конституционная формулировка «никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию» подчеркивает абсолютный характер этой свободы. Это означает, что возможность ее правомерного ограничения исключена в принципе, поскольку попытка ограничения сразу приобретает характер правонарушения.

В действующем уголовном законе определение пытки дано в примечании к ст. 117 УК РФ: «Под пыткой в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса понимается причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях». Очевидно, что уголовно-правовой подход к определению пытки отличается от международно-правового, в частности возможностью расширительного толкования перечня целей данного деяния.

Согласно упомянутой Конвенции субъектами ответственности за применение пытки являются государственные должностные лица, либо иные лица, выступающие в официальном качестве, либо лица, осуществляющие пытку по их подстрекательству, с их ведома, или с их молчаливого согласия. Одним из признаков пытки является причинение сильной боли или страданий, физических или нравственных. Замечу, что в большинстве случаев при совершении действий, представляющих собой пытку, физические страдания сопровождаются страданиями нравственными, однако нравственные страдания могут не сопровождаться физическими. Физические и нравственные страдания причиняются лицу в результате «усугубленного и преднамеренного вида жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания»¹. Понятие «усугубленный», синонимичное понятиям «усиленный», «увеличенный», призвано подчеркнуть степень жестокости, бесчеловечности обращения с лицом.

¹ Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания: принята Резолюцией 3452 (XXX) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1975 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Под принуждением к даче показаний путем пытки (применительно к ч. 2 ст. 302 УК РФ) следует понимать незаконные действия следователя или лица, производящего дознание, а равно другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание, состоящие в усугубленном и преднамеренно жестоком, бесчеловечном или унижающем достоинство обращении с потерпевшим, причиняющем ему физические или нравственные страдания, с тем чтобы заставить его вопреки воле дать те показания, которые от него требуют¹.

Примером пытки, соединяющей в себе страдания обоих видов, могут служить обстоятельства, изложенные в жалобе «Михеев против России», рассмотренной Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ). Суд пришел к выводу, что заявитель стал жертвой жестокого обращения во время пребывания в качестве задержанного в отделении милиции (в отношении него применялось воздействие электрическим током). Целью воздействия было получение от него признания или информации о преступлении, в котором его подозревали. Жестокое обращение причинило Михееву настолько тяжелые психические и физические страдания, что заявитель совершил попытку самоубийства, результатом которой явилась общая постоянная физическая инвалидность². Опираясь на свои правовые позиции, сформированные ранее, учитывая критерий суровости и цель плохого обращения, ЕСПЧ пришел к выводу, что рассматриваемое жестокое обращение являлось пыткой по смыслу ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ).

Проблема применения пыток в российской правоохранительной сфере всегда стояла очень остро и, к сожалению, не теряет с годами своей актуальности. В докладе, подготовленном по итогам визита в Россию в 2012 г. делегации Европейского комитета по предупреждению пыток, отмечаются случаи издевательства над задержанными,

¹ Кудрявцев В. Л. Объективная сторона квалифицированного состава принуждения к даче показаний (ч. 2 ст. 302 УК РФ): вопросы теории и практики // Адвокат. 2016. № 10. С. 53–59.

² См.: Постановление Европейского суда по правам человека от 26 января 2006 г. Дело «Михеев (Mikheyev) против Российской Федерации» (жалоба № 77617/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

использования одних заключенных для применения насилия в отношении других, посягательства на их сексуальную неприкосновенность, создания специальных «пресс-хат» и иных нарушений¹.

В диспозиции норм, закрепленных в ч. 2 ст. 302 УК РФ, «пытка» и «насилие» представляют собой два самостоятельных квалифицирующих признака принуждения к даче показаний. Следовательно, законодатель изначально не считал возможным рассматривать их в качестве идентичных по смыслу. Некоторые авторы полагают, что «пытка и насилие – пересекающиеся, но не тождественные понятия. Далеко не все виды физического насилия можно признать пыткой, но и пытка не исчерпывается физическим насилием. В ряде случаев причинение нравственных страданий, признаваемых пыткой, возможно без применения физического насилия»².

В Руководстве по имплементации ст. 3 ЕКПЧ, обобщающего практику ЕСПЧ, выделяются следующие критерии, позволяющие отличать пытку от иных форм жестокого обращения: тяжесть страданий жертвы ввиду противоправного деяния (*intensity*); длительность этих страданий; последствия для умственного и физического состояния жертвы, ее пол и возраст, а также способ, посредством которого эти страдания были ей причинены³. Предметом исследования в настоящей работе выступает психологическое воздействие при допросе, поэтому необходимо обратить внимание на воздействие, являющееся психическим принуждением, которое причиняет нравственные страдания, характер которых соответствует изложенным выше признакам.

Выше отмечалось, что нравственные страдания не всегда причиняются путем физического насилия. Между тем теоретически можно смоделировать ситуацию, когда физическое воздействие оказывается в отношении одного лица, а нравственные страдания испытывает другое (как правило, это родственник или близкое лицо). При этом стра-

¹ См.: Report to the Russian Federation on the Visit to the Russian Federation Carried Out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT), from 21 May to 4 June 2012, Strasbourg, 17 December 2013, CPT/Inf (2013) 41.

² Замылин Е. И., Намнясева В. В., Борисов В. И. Указ. соч. С. 259.

³ См.: Reidy A. The Prohibition of Torture: A Guide to the Implementation of Article 3 of the European Convention of Human Rights. Strasbourg, 2002. P. 12.

дания могут достигать глубины пытки. Примером служит сцена допроса советской разведчицы из известного советского сериала «Семнадцать мгновений весны». Понимая, что женщина вряд ли будет давать показания, разоблачающие ее связь с немецким офицером, подозреваемым в шпионаже в пользу СССР, сотрудник гестапо принимает решение оказать воздействие на ее новорожденного ребенка, полностью раздев его и положив около открытого окна. Мать, сознавая опасность гибели ребенка от переохлаждения (холодное время года) должна сделать выбор: разоблачить своего коллегу-разведчика, работающего под прикрытием статуса офицера вермахта, либо наблюдать процесс умирания ребенка.

Степень нравственных или физических страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств причинения морального вреда, индивидуальных особенностей потерпевшего и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о тяжести перенесенных им страданий¹.

В судебной практике признаками нравственных страданий признавались депрессия, снижение самооценки, чувство морально-психологической и эмоциональной ущербности, неполноценности².

Поскольку законодатель при определении размера подлежащего возмещению морального вреда принимает за основу размер так называемого презюмируемого вреда, т. е. страданий, которые, по общему представлению, должен испытывать «средний», адекватно реагирующий на совершение в отношении него противоправного деяния человек, постольку логично предположить существование некоего «среднего» показателя глубины нравственных страданий, являющегося критерием минимального уровня психологических переживаний личности, позволяющих говорить о применении пытки. Разумеется, в силу индивидуальных особенностей характера и степени психологической устойчивости каждой конкретной личности глубина страданий может повышаться или понижаться, но, бесспорно,

¹ См.: Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: постановление Пленума ВС РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 (ред. от 06.02.2007). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Решение Сургутского городского суда (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) от 27 мая 2014 г. № 2-3703/2014 2-3703/2014-М-2990/2014 М-2990/2014. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Hl0amY5blU1Y> (дата обращения: 20.04.2020).

формой их выражения будут такие негативные эмоции, как страх, отчаяние, стыд, унижение и т. п. В юридических источниках высказывалось предложение понимать под нравственными страданиями эмоционально-волевые переживания индивида, выражающиеся в ощущении им дискомфорта любой локализации, чувства унижения, стыда или неполноценности, ненормальности, отчаяния и аналогичных отрицательных эмоций¹. ЕСПЧ обращал внимание на то, что страдание и унижение должны в любом случае выходить за пределы неизбежного страдания или унижения, присущего данной форме законного обращения или наказания².

«Нравственные страдания» являются свидетельством нахождения личности в дистрессовом либо кризисном состоянии, сопровождающемся внутренним психологическим дискомфортом, утратой способности управлять своим эмоциональным состоянием. Известный русский дореволюционный психиатр И. А. Сикорский в своей лекции «Физиология нравственных страданий» утверждал: «Нравственные страдания так же убивают организм как и физические, но они страшнее физических, потому что они поражают высший орган жизни – нервную систему и поражают ее во всех частях, не оставляя свободного места... Если бы мы захотели охарактеризовать одним словом все изменения, производимые в организме нравственными страданиями, то правильнее всего было бы сказать, что нравственные страдания убивают организм медленной смертью, вызывая в высшей степени тяжелые симптомы, способные убить вполне здоровый организм посредством продолжительных мучений»³.

¹ См.: Монгуш А. Л., Акажик Ш. О. Физические и нравственные страдания в исках о защите чести и достоинства. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskie-i-nravstvennye-stradaniya-v-iskah-o-zaschite-chesti-i-dostoinstva> (дата обращения: 02.04.2020).

² См.: Дело «Максимов (Maksimov) против Российской Федерации»: постановление ЕСПЧ от 18 марта 2010 г. (жалоба № 43233/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Сикорский И. А. Физиология нравственных страданий: публичная лекция, читанная с благотворительной целью 20 марта 1890 г. // Онлайн-библиотека: сайт. URL: http://www.uhlib.ru/nauchnaja_literatura_prochee/_russkaja_rasovaja_teorija_do_1917_goda_tom_2/p16.php (дата обращения: 20.04.2020).

Таким образом, воздействие, причиняющее лицу нравственные страдания, неприемлемо для использования при производстве допроса ни с правовой, ни с моральной точек зрения.

В практике ЕСПЧ, помимо понятия пытки, используются также «бесчеловечное обращение» и «унижающее достоинство обращение»¹. В постановлениях суда отмечалось, что характер минимальной жестокости деяние приобретает в силу совокупности обстоятельств, сопровождающих его совершение (содержание и контекст, способ осуществления, продолжительность, физические и психические особенности жертвы)²; а тяжесть страданий жертвы, определяемая отдельно в каждом конкретном деле, позволяет отличить пытку от иных форм жестокого и бесчеловечного обращения³.

ВС РФ неоднократно обращал внимание судов на необходимость придерживаться толкования, выраженного в практике ЕСПЧ⁴. Сам же ВС РФ к признакам бесчеловечного обращения предлагает относить преднамеренный характер, продолжительность по времени (осуществляется на протяжении нескольких часов) *или* причинение в результате такого обращения реального физического вреда либо глубоких физических или психических страданий⁵. Обращает на себя внимание союз «или», позволяющий заключить, что авторы этого тезиса фактически соединили в определении бесчеловечного обращения пытку и жестокое обращение.

¹ Статья 3 конвенции гласит: «Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

² См.: ECtHR. *Soering v. the United Kingdom*. Application no. 14038/88.

³ См.: Кантур Р. А. Проблемы соблюдения Россией обязательств по статье 3 Европейской конвенции по правам человека в отношении задержанных: практика ЕСПЧ // *Международное правосудие*. 2018. № 2. С. 62–76. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: О применении судами общей юрисдикции Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 и протоколов к ней: постановление Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. № 21. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания: постановление Пленума ВС РФ от 14 июня 2012 г. № 11 (ред. от 03.03.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Заметим, что угроза применения пыток, по мнению ЕСПЧ, может считаться видом «бесчеловечного обращения». В принятом им постановлении «Гефген против Германии» (2010 г.) государство не отрицало того факта, что полицейский угрожал заявителю причинением невыносимой боли со стороны специально обученного лица, если он не раскроет место нахождения похищенного им ребенка. Заместитель начальника полиции несколько раз приказывал своим подчиненным угрожать заявителю или при необходимости применить к нему силу, вследствие чего такое указание должно рассматриваться не как спонтанное, а как умышленное и обдуманное. Допрос под угрозой жестокого обращения продолжался примерно 10 минут в обстановке повышенной напряженности и накала эмоций, поскольку полицейские полагали, что у них есть лишь несколько часов, чтобы спасти жизнь ребенка. Заявитель находился в наручниках, т. е. в уязвимом состоянии, поэтому обращенные к нему угрозы должны были причинить ему значительный страх, тоску и нравственные страдания. В итоге метод допроса, которому подвергся заявитель, был признан достаточно серьезным, чтобы составлять бесчеловечное обращение, запрещенное ст. 3 ЕКПЧ¹. Примечательно, что судьи в данном постановлении сделали особый акцент на том, что ни исключительные обстоятельства (угроза жизни ребенка), ни положительная мотивация действий сотрудников полиции (стремление предупредить гибель ребенка) не могут служить оправданием бесчеловечного или унижающего достоинство обращения.

***Пример.** Бывшего сотрудника органов внутренних дел А., обвиняемого в совершении преступления (не имеющего отношения к его прошлой профессиональной деятельности), не признающего своей вины в инкриминируемом ему деянии и отказывающегося давать показания, при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу намеренно, в нарушение существующих инструкций помещают в общую камеру. Заключение, зная в силу своей прошлой профессиональной деятельности о крайне негативном отношении к сотрудникам органов внутренних дел (даже бывшим), царящем*

¹ См.: Информация о Постановлении ЕСПЧ от 01.06.2010 по делу «Гефген (Gafgen) против Германии» (жалоба № 22978/05). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в криминальной среде следственных изоляторов, ожидает насилия в отношении себя со стороны «сокамерников».

Полагаем, что в абсолютном большинстве случаев лицо, находящееся в подобных обстоятельствах, будет испытывать сильнейший дистресс. Данное обращение можно считать бесчеловечным даже при условии, что сокамерники А. получили указание от администрации учреждения не осуществлять в отношении него никаких насильственных действий (о чем А., разумеется, не может быть осведомлен). Подобный способ воздействия нельзя признать тактическим приемом в силу его неправомерности и этической неприемлемости.

В Декларации о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания отмечается, что «любое заявление, которое, как установлено, было сделано под пыткой или в результате другого жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство вида обращения или наказания, не может привлекаться в качестве свидетельства против лица, которого касается любое судебное преследование». Согласно части 2 ст. 50 Конституции России «при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона». Аналогичные положения отражены и в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве.

ЕСПЧ неоднократно обращал внимание государств на то, что использование в поддержку уголовного дела показаний, полученных вследствие нарушения ст. 3 ЕКПЧ (запрет пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания) автоматически лишает судебное разбирательство справедливости в целом и обуславливает нарушение ст. 6 ЕКПЧ (право на справедливое судебное разбирательство)¹.

В научной литературе описывается следующий пример: в 1998 г. в Московском городском суде рассматривалось уголовное дело Ж., обвиняемого в разбойном нападении и убийстве. Подсудимый сообщил, что при допросе в отделе внутренних дел в кабинет периодически заходили оперативные работники, которые как бы мимохо-

¹ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 апреля 2015 г. (Дело «Шамардаков против России») жалоба № 13810/04. URL: <https://genproc.gov.ru/documents/espch/document-1023024> (дата обращения: 20.04.2020).

дом предлагали следователю прокуратуры препроводить подозреваемого в подвал к «Арнольднику». Ж. понял происходящее в том смысле, что «Арнольдник» – это работник милиции, получивший такую кличку за силу и свирепость (Арнольд Шварценеггер играл в голливудском фильме робота-терминатора); попасть ему в руки значило подвергнуться пытке. В итоге суд возвратил дело для производства дополнительного расследования прокурору, в результате уголовное дело было прекращено за недоказанностью участия Ж. в совершении преступления¹.

Можно ли данный способ воздействия на Ж. считать тактическим приемом, или в нем усматриваются признаки угрозы как способа принуждения к даче показаний?

В толковых словарях разные авторы определяют угрозу как «запугивание, обещание причинить кому-нибудь вред, возможную опасность»²; «обещание причинить зло, неприятность; возможность, опасность возникновения чего-либо неприятного, тяжелого»³.

Исследователи в области уголовного права определение угрозы в контексте ст. 302 УК РФ дают по-разному, однако все правовые позиции объединяет признание того факта, что угроза – это запугивание участников уголовно-процессуальных отношений намерением осуществить *неправомерное* деяние, способное причинить вред их интересам: «Осознание опасности возможной реализации этого намерения должно повлиять на свободу волеизъявления указанных лиц и сформировать у последних желание дать показания для предотвращения последствий, вредных их интересам»⁴.

Полагаем, что в представленной ситуации имеются признаки незаконного способа воздействия, поскольку допрашиваемый воспринимал возможность попадания в подвал как реальную опасность применения в отношении него физического насилия. В данном слу-

¹ См.: Пашин С. А. Психологические основания правового регулирования допроса в уголовном судопроизводстве // Юридическая психология. 2007. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 825.

³ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. URL: <https://efremova.slovaronline.com> (дата обращения: 20.04.2020).

⁴ Бунева И. Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2000. С. 71.

чае не имеет правового значения наличие или отсутствие намерения у угрожавших лиц приводить свою угрозу в исполнение.

***Пример.** У следователя Б., осуществляющего предварительное следствие по уголовному делу, возбужденному по факту кражи в крупном размере, есть основания полагать, что одним из соучастников преступления является гражданин М. Однако прямых доказательств его причастности к преступлению нет. В то же время информация, полученная оперативным путем, свидетельствует о том, что сожительница М. – гражданка С. располагает сведениями об обстоятельствах совершенного преступления и, возможно, о месте сокрытия похищенного. Однако С. явно не стремится оказывать содействие следствию; ее показания, как полагает следователь, неполны и неправдивы. Учитывая это обстоятельство, следователь Б. в процессе допроса женщины предупреждает ее о том, что нежелание сотрудничать может повлечь негативные последствия для М., страдающего рядом болезней, среди которых сердечно-сосудистое заболевание в тяжелой форме. В отношении него может быть применена мера пресечения в виде заключения под стражу, что может негативно повлиять на его психологическое состояние и способствовать прогрессированию болезни.*

Может ли данный способ психологического воздействия считаться тактическим приемом? Допрашиваемый, безусловно, должен быть информирован о своих правах, так как это позволит ему трезво оценить свое положение в сложившейся ситуации. При этом от него не следует утаивать предусмотренные законом неблагоприятные последствия выбора им определенной позиции¹.

В представленной выше фабуле отсутствует угроза правоохраняемым интересам С., поскольку, с одной стороны, следователь доводит до нее информацию о возможности совершения действия, относящегося к числу его законных полномочий (избрание меры пресечения); с другой – статус С. по отношению к М. не дает ей законного права отказаться от дачи свидетельских показаний. С учетом сказанного полагаю, что данный способ психологического воздействия может рассматриваться в качестве тактического приема.

***Пример.** Следователем получена оперативная информация о том, что П., обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного*

¹ См.: Пашин С. А. Указ. соч.

ч. 1 ст. 158 УК РФ, причастен еще к одному эпизоду преступной деятельности, однако прямыми доказательствами его виновности следователь не располагает. В процессе общения с П. следователь предложил ему написать явку с повинной, в которой рассказать о своей причастности ко второму эпизоду кражи, поскольку он, следователь, убежден в том, что доказательства причастности П. к этому эпизоду будут получены из других источников. Следователь разъяснил, что в случае назначения наказания за оба эпизода преступной деятельности оно, с учетом явки с повинной, с большой долей вероятности будет назначено путем поглощения менее строгого наказания более строгим. В противном случае если факт причастности П. ко второму эпизоду кражи будет доказан после вынесения приговора по первому эпизоду, наказание за второй эпизод кражи будет присоединено к наказанию за первый эпизод.

Можно ли подобное поведение следователя расценить как попытку психического принуждения? Конечно, нет. С одной стороны, изложенная информация соответствует положениям уголовного законодательства относительно назначения наказаний; с другой – следователь обязан ознакомить обвиняемого с положениями закона в части его законных интересов. Данный способ психологического воздействия можно расценить как тактический прием – правомерный и этически вполне приемлемый.

Пример. *В производстве следователя Б. находится уголовное дело, возбужденное по факту разбоя, совершенного с незаконным проникновением в жилище. По подозрению в совершении преступления задержан 20-летний К., однако во время конвоирования в ИВС ему удалось совершить побег. И., считающая себя невестой К., допрашивается в качестве свидетеля. У следователя есть основания полагать, что И. осведомлена о местонахождении К.*

В процессе допроса следователь сообщает ей о побеге К. из-под стражи, а также предупреждает, что в интересах И. сотрудничать со следствием и сообщить о месте, где скрывается К., объявленный в розыск. В случае если местонахождение К. установят сотрудники полиции, то при задержании ими может быть применено огнестрельное оружие, поскольку К. является подозреваемым в совершении тяжкого преступления и совершил побег из-под стражи. Следователь подчеркнул, что на практике задержание лиц, подозреваемых в совершении тяжких преступлений и осущест-

стивших побег, особенно если они оказывают сопротивление, нередко заканчивается причинением им ранений, несовместимых с жизнью.

Подобное психологическое воздействие сыграло свою роль: И. сообщила следователю о местонахождении К. Данный способ воздействия, как и предыдущий, не вызывает сомнений в своей правовой и этической приемлемости. Действия следователя выражаются в информировании свидетеля об обоснованно прогнозируемом варианте развития событий.

«Шантаж» как вид открытого психического принуждения представляет собой угрозу разглашения сведений, которые лицо стремится сохранить в тайне. К этой информации относятся, во-первых, сведения, позорящие потерпевшего или его близких, во-вторых, иные сведения, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких¹.

ВС РФ дал толкование данному понятию применительно к ч. 1 ст. 163 УК РФ, определив, что под сведениями, позорящими потерпевшего или его близких, следует понимать сведения, порочащие их честь, достоинство или подрывающие репутацию (например, данные о совершении правонарушения, аморального поступка). При этом не имеет значения, соответствуют ли они действительности. К иным сведениям, распространение которых может причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего либо его близких, относятся, в частности, *любые сведения, составляющие охраняемую законом тайну*². К их числу может быть отнесена информация, которая, будучи достоверной, составляет предмет государственной, служебной, коммерческой, налоговой, банковской, нотариальной, врачебной, семейной и другой охраняемой Конституцией России и федеральным законодательством тайны³.

Пример. *Ранее судимый С., будучи задержанным по подозрению в совершении тяжкого преступления, признал свою вину, отказавшись при этом назвать других соучастников. Следователь преду-*

¹ См.: Замьлин Е. И., Намнясева В. В., Борисов В. И. Указ. соч. С. 203.

² См.: О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума ВС РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 // Рос. газ. 2015. 28 декабря.

³ См.: Перечень сведений конфиденциального характера: утв. указом Президента РФ от 6 марта 1996 г. // СЗ РФ. 1997. № 10. Ст. 1127.

предил С. о возможности при помещении С. в следственный изолятор распространить среди лиц, находящихся с ним в одной камере, заведомо ложную информацию о том, что ранее, в период отбывания наказания, С. негласно сотрудничал с администрацией исправительного учреждения, передавая сведения о нераскрытых преступлениях, совершенных другими осужденными.

Данное деяние обладает признаками шантажа в его интерпретации согласно ст. 302 УК РФ и в силу этого не может считаться тактическим приемом. Тактический прием не должен быть сопряжен с унижением достоинства личности. Унизительное обращение с допрашиваемым может облекаться как в словесную форму, так и выступать в виде действия. В уголовно-правовом контексте такого рода обращение способно иметь признаки издевательства.

Словесной формой издевательства является глумление над объектом воздействия, насмешки над физическими недостатками, принадлежностью к определенной расе, этнической группе, религиозной конфессии и т. п. Примечательно, что многие авторы усматривают признаки издевательства в действиях, причиняющих лицу страдания, причем они могут быть сопряжены исключительно с унижением его чести и достоинства (принуждение к совершению непристойных либо бессмысленных действий)¹, а могут приводить к страданиям физического характера (лишение на длительное время пищи, воды, сна, принуждение к нахождению в неудобном положении, многочасовые ночные допросы, световое или шумовое воздействие на лицо)².

Применительно к исследованию данной проблемы представляет интерес позиция ЕСПЧ, отмечавшего, что при квалификации ненадлежащего обращения в качестве обращения, унижающего достоинство, необходимо принимать во внимание такие факторы, как внушение жертвам чувства страха, тревоги, неполноценности, стремление оскорбить и обесчестить жертву, сломить ее физическое и моральное

¹ См.: Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб., 2005. С. 390.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко; науч. ред. А. С. Михлин. М., 2008. С. 580.

сопротивление¹. В постановлении «Ирландия против Великобритании» было отмечено, что унижающими достоинство могут быть действия, совершенные как в присутствии третьих лиц, так и в частной обстановке².

К видам психологического воздействия, оказываемого на допрашиваемое лицо, может быть отнесено обещание определенной выгоды в случае дачи показаний, так называемый искусственный стимул. В роли подобных стимулов могут выступать обещания прекратить уголовное преследование либо изменить квалификацию преступления, освободить из-под стражи³, закрыть глаза на преступление или иное правонарушение⁴, изменить меру пресечения, улучшить условия содержания под стражей, разрешить свидание или передачу посылки, дать алкогольные напитки, наркотические средства или психотропные вещества⁵.

Указанные примеры свидетельствуют о том, что стимул может быть направлен на обещание блага, достигаемого посредством действий как правомерного, так и противоправного характера, находящихся в компетенции соответствующего субъекта либо выходящих за ее пределы. Полагаю, что использование в качестве стимула для дачи правдивых показаний обещания предоставить лицу благо, теоретически достижимое правомерными действиями компетентного субъекта, можно рассматривать в качестве тактического приема. Если же лицо не собирается совершать обещанные действия либо не может

¹ См.: Информация о постановлении ЕСПЧ от 01.06.2010 по делу «Гефген (Gafgen) против Германии» (жалоба № 22978/05). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Ирландия против Соединенного Королевства (Ireland v. the United Kingdom): постановление ЕСПЧ от 18 января 1978 г. (жалоба № 5310/71). URL: <http://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/irlandiya-protiv-soedinennogo-korolevstva-postanovlenie-evropejskogo-suda> (дата обращения: 01.04.2020).

³ См.: Чучаев А., Дворянсков И. Ответственность за принуждение к противодействию осуществлению правосудия // Законность. 2001. № 4. С. 13.

⁴ См.: Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. М., 1998. С. 634.

⁵ См.: Попов Н. А. Принуждение к даче показаний: квалификация и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001. С. 90, 91.

сделать это по объективной причине (данные действия не входят в его компетенцию), то подобное воздействие этически неприемлемо, хотя и не противоправно.

Вопрос уголовной ответственности за указанные виды деяний зависит от конкретного содержания действий, которые обещает выполнить виновный, и целей, которые он при этом преследует¹.

§ 3. Этико-правовые аспекты «завуалированных» видов психологического воздействия при производстве допроса, их разграничение с психическим принуждением

Если приходится выбирать между неправдой и грубостью, выбери грубость; но если приходится выбирать между неправдой и жестокостью, выбери неправду.

Мария фон Эбнер-Эшенбах,
австрийская писательница, драматург

Некоторые виды психологического воздействия при допросе осуществляются в завуалированной форме. Это обстоятельство препятствует адекватной оценке личностью сложившейся ситуации и своей роли в ней, а также исключает свободу выбора варианта поведения. Подобные способы воздействия традиционно выступают объектом дискуссий, причем со стороны как теоретиков правовой науки, так и практиков. К числу таких способов воздействия на допрашиваемого относятся обман, гипноз, применение наркотических средств и психотропных веществ.

Известной аксиомой является положение о том, что правомерное психологическое воздействие само по себе не диктует адресату конкретной формы поведения и не вымогает у него показаний определенного содержания. Его целью выступает формирование у лица правильной, соответствующей публичным интересам пози-

¹ См.: Замылин Е. И., Намнясева В. В., Борисов В. И. Указ. соч. С. 218.

ции, стимулирование сознательного отношения к своим гражданским обязанностям; воздействующий субъект лишь опосредованно подводит лицо к выбору определенной линии поведения.

Из названных способов завуалированного воздействия на человека самым неоднозначным является обман (ложь). В общепринятом смысле обман (ложь) – это «намеренное искажение истины, неправда»¹. Некоторые авторы предлагают более широкий вариант толкования, утверждая, что под обманом понимается как сообщение о ложных сведениях (активный обман), так и умолчание о фактах, сообщение которых обязательно (пассивный обман)².

Представляет интерес определение обмана как способа передачи информации (вербальным или невербальным путем) в целях создания или поддержания в другом человеке заведомо ложного убеждения³.

В советской юридической науке господствовала научная позиция о неприемлемости лжи как способа воздействия с целью получить показания. М. С. Строгович императивно заявлял о том, что «следователь не может идти к цели любыми путями, не может для выполнения своих задач пользоваться нечестными средствами»⁴. Несмотря на авторитет этого ученого, считаем возможным оспорить высказанный им тезис о том, что «вообще вся концепция „следственных хитростей“ и „психологических ловушек“ самым решительным образом противоречит принципам и задачам советского уголовного судопроизводства»⁵.

Возросший в последнее время «преступный профессионализм» лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, а также используемые ими в целях своей защиты средства и способы требуют неординарного подхода к конструированию следственных ситуаций, что, в частности, может выражаться в расширении арсенала

¹ Ефремова Т. Ф. Указ. соч.

² См.: Замылин Е. И., Намнясева В. В., Борисов В. И. Указ. соч. С. 213.

³ См.: Якимчук Б. В. Обман как тактическое средство при производстве следственных (розыскных) действий с участием иностранцев // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 3 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obman-kak-takticheskoe-sredstvo-pri-proizvodstve-sledstvennyh-rozysknyh-deystviy-s-uchastiem-inostrantsev> (дата обращения: 20.04.2020).

⁴ Проблемы судебной этики / под ред. М. С. Строговича. М., 1974. С. 169.

⁵ Там же. С. 20.

тактических приемов и методов расследования. Подобные попытки могут быть подвергнуты критике со стороны процессуалистов, полагающих, что тактический прием должен быть безупречным с нравственных позиций¹. Между тем «безупречная», «абсолютная» нравственность представляется явлением абстрактным и при этом утопичным, оторванным от жизни. Полагаю, что ученые, настаивающие на необходимости использования «стерильных», т. е. безупречно нравственных приемов, способствуют увеличению традиционно существующей пропасти между теорией и практикой. Более того, сама природа следственной тактики состоит в «умении переиграть своего оппонента, которое проявляется, прежде всего, в хитрости... в сокрытии (утаивании) своих планов и намерений и за счет этого достичь необходимого (желаемого)»².

В связи с этим более честной и, безусловно, прагматичной представляется позиция профессора Р. С. Белкина: «Пора открыто признать, что и государство признает допустимость обмана в правоохранительной сфере: оно узаконило ОРД, во многом основывающуюся на дезинформации, обмане как средстве выявления и раскрытия преступлений. Обман противостоящего оперативному сотруднику лица не считается аморальным; не прибегая к обману, невозможно внедриться в преступную группировку, взять с поличным взяточника, вымогателя и т. п. Стыдливая маскировка слова „обман“ специальным термином „легендирование“ существа дела не меняет»³. Автор приводит также данные опроса сотрудников органов прокуратуры и внутренних дел, из которых следует, что 75 % респондентов считают обман допустимым, хотя и прибегают к нему редко или вообще не прибегают; 10 % считают обман аморальным и недопустимым в следственной практике, указывая в то же время, что рекомендуемые

¹ См.: Москалькова Т. Н. Этика уголовно-процессуального доказывания. М., 1996. С. 3.

² Бахин В. П. Дезинформация и провокация как средство противодействия преступной деятельности // Известия Тульского государственного университета. Сер.: Современные проблемы законодательства России, юридических наук и правоохранительной деятельности. Тула, 2001. Вып. 4. URL: http://www.univ.crimea.ua/rus/k_crim/argcles/bachin1.htm. (дата обращения 01.04.2020).

³ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 75.

в литературе «ловушки» и «хитрости» они не считают основанными на обмане; 15 % респондентов в той или иной форме уклонились от прямого ответа.

Примечательно, что сегодня все больше ученых соглашаются с тезисом о том, что обман, равно как и «давление» на подозреваемого в рамках предварительного расследования, может быть вполне легитимным¹.

Виды обмана весьма разнообразны. Задача науки – классифицировать их, опираясь на два основных критерия: правомерность (противоправность) и этическая приемлемость (неприемлемость). И. Ю. Бунева выделяет две разновидности обмана: 1) обман, направленный на формирование у допрашиваемого искаженного восприятия обстоятельств, относящихся к расследуемому уголовному делу; 2) обман, касающийся заведомо ложных обещаний правоприменителя оказать допрашиваемому определенные услуги². Замечу, что при втором варианте обмана характер обещанных услуг может быть незаконным (обещание предоставить алкоголь или наркотики в обмен на «нужные» показания).

В. В. Намнясева, проецируя эти виды обмана на конкретные следственные ситуации, предполагает, что обман может касаться содержания сведений о наличии тех или иных доказательств вины допрашиваемого (чистосердечного признания соучастников), предъявления фальсифицированных доказательств (заклЮчения эксперта о производстве дактилоскопической экспертизы, согласно которому на месте совершения преступления обнаружены отпечатки пальцев допрашиваемого)³. При этом автор приходит к выводу, что в указанных обстоятельствах обман нельзя рассматривать в качестве способа принуждения к даче показаний, поскольку он, оказывая определенное психологическое воздействие на допрашиваемого, все же не лишает его реальной свободы выбора варианта поведения.

¹ См.: Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. Т. Г. Морщаковой. М., 2012. URL: <http://kniga.seluk.ru/k-tehnicheskie/1022133-8-moskva-udk-3479-3431-bbk-67410-s76-pod-redakciey-ordinarnomogo-professora-niu-vshe-morschakovoy-kollektiv-avtor.php>. (дата обращения: 01.04.2020).

² См.: Бунева И. Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2000. С. 98, 99.

³ См.: Замьлин Е. И., Намнясева В. В., Борисов В. И. Указ. соч. С. 214.

Потерпевший не ставится перед альтернативой – либо сообщить требуемые сведения, либо к нему будут применены меры, связанные с противоправным ограничением его законных прав и интересов. Обман направлен именно на получение согласия потерпевшего совершить определенные действия. Тем не менее В. В. Намнясовой делается спорный, на наш взгляд, вывод о том, что обман не является правомерным средством воздействия на допрашиваемого.

По мнению Р. С. Белкина, обман будет неправомерным, если он основывается:

- на правовой неосведомленности противостоящего следователю лица;
- заведомо невыполнимых обещаниях этому лицу;
- фальсифицированных доказательствах;
- дефектах психики подследственного и иных его болезненных состояниях;
- мистических и религиозных предрассудках лица¹.

Исследователи данной проблемы дополняют этот перечень еще одним пунктом, касающимся обмана, основывающегося на неосведомленности лица о достижениях (возможностях) науки и техники; в этом случае при назначении экспертизы лицу может сообщаться искаженная информация о возможностях экспертного исследования, а также могут «демонстрироваться» преувеличенные возможности экспертизы как в целом, так и применительно к объектам исследования по конкретному делу². Все это, разумеется, нацелено на получение от допрашиваемого лица правдивых показаний.

Полагаю, что следует проводить различия между ложью (обманом), касающейся формы и содержания доказательств по уголовному делу, и ложью, не затрагивающей их. Ложь первого вида неправомерна и этически неприемлема. Вместе с тем умышленное искажение действительности, не создающее предпосылок для неверного толкования фактических данных, имеющих доказательственное значение по уголовному делу, не должно быть осуждаемо столь же катего-

¹ См.: Белкин Р. С. Указ. соч. С. 113–114.

² См.: Зотов Д. В., Панюшкин В. А. Обман в уголовном судопроизводстве: сущность, допустимость, формы // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obman-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-suschnost-dopustimost-formy> (дата обращения: 13.04.2020).

рично и может быть отнесено к так называемым следственным хитростям. «Хитрость» – это не только элемент тактического приема; она свидетельствует о профессиональной активности следователя и не только допустима, но и обязательна в его деятельности¹.

Пример. В результате разбойного нападения потерпевшая С. госпитализирована в больницу с черепно-мозговой травмой, где впала в кому. Задержанный в качестве подозреваемого Н. отказывается признавать свою причастность к преступлению. Перед началом очередного допроса Н., дожидаясь прихода адвоката, следователь в присутствии Н. отвечает на телефонный звонок фразой, из которой подозреваемый делает вывод, что какая-то женщина, находившаяся в коме, пришла в сознание и заявила, что хочет сообщить следователю важную информацию, касающуюся совершенного в отношении нее преступления. Никаких фамилий следователь не произносит, однако заканчивает разговор с собеседником фразой о том, что «он рад такому развитию событий, в ближайшее время постарается навестить женщину и поговорить с ней, так как она может сообщить по уголовному делу очень важную информацию, которая ускорит расследование». Н., решив, что в ближайшее время он будет изобличен потерпевшей, заявил о своей готовности дать признательные показания, рассчитывая на смягчение наказания ввиду сотрудничества со следствием и раскаяния в совершенном преступлении.

Полагаем, что в подобных обстоятельствах имитация звонка является ложью, не вызывающей никаких нареканий ни правового, ни этического характера, тем более что следователем не были озвучены какие-либо данные, указывающие на прямую связь его разговора с расследуемым уголовным делом по факту разбойного нападения. Более того, эта информация вообще не была адресована Н., а его личная интерпретация была объективно плодом его фантазии.

Пример. Во время допроса лица, впервые привлекаемого к уголовной ответственности и при этом, по мнению следователя, дающего ложные показания, в кабинет следователя заходит его

¹ Цит. по: Аксенова Л. Ю., Анешева А. Т. Тактические приемы производства допроса // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/takticheskie-priemy-proizvodstva-doprosa> (дата обращения: 18.04.2020).

коллега и сообщает ему, что из следственного изолятора поступила информация о том, что другое лицо, привлеченное к уголовной ответственности по аналогичной статье, подверглось физическому насилию со стороны своих «сокамерников». Причиненный его здоровью вред потребовал госпитализации. Причиной насилия стало поведение потерпевшего, который невольно нарушил правила поведения, принятые в криминальном сообществе. Данная информация излагается таким образом, чтобы ее мог услышать обвиняемый.

После этого допрашиваемое лицо предпочло дать признательные показания, надеясь, таким образом, избежать заключения под стражу.

Можно ли подобный способ воздействия признать тактическим приемом, принимая во внимание, что факт происшествия в СИЗО был выдуман? Замечу, что указанная информация, во-первых, не облечена в форму угрозы, адресованной допрашиваемому лицу, во-вторых, не является ложной по своей сути, поскольку представленный сюжет развития событий вполне реалистичен. Как и в предыдущем примере, применение подобной хитрости не должно повлечь никаких правовых последствий. С этической стороны данный способ психологического воздействия, возможно, кто-то сочтет небезупречным, однако существенных этических препон, на наш взгляд, возникнуть не должно.

В юридической литературе высказывалась точка зрения, согласно которой ложь может играть роль инструмента информационного воздействия, способного причинить потерпевшему не только психический, но и физический вред. В этом случае информационное воздействие предлагается рассматривать как вид физического насилия, поскольку «с точки зрения уголовного права определяющим критерием должен быть не способ воздействия, а характер причиненного вреда и психическое отношение виновного к содеянному. Если лицо, сообщая потерпевшему какие-либо сведения¹, стремится причинить именно физический вред или, по крайней мере, сознательно допускает причинение такого вреда, то реально наступившие последствия

¹ Например, зная о том, что потерпевший недавно перенес инфаркт и любое волнение для него противопоказано, виновный сообщает сведения (неважно, истинные или ложные) о гибели близкого человека.

в виде смерти или вреда здоровью являются именно физическим насилием»¹.

Существует ряд тактических приемов, объединяемых общей идеей – нацеленностью на создание условий неверной оценки допрашиваемым конкретной следственной ситуации для последующего неожиданного эмоционального воздействия на него:

– сокрытие от допрашиваемого осведомленности следователя о каких-то важных обстоятельствах расследуемого уголовного дела;

– «допущение легенды» – предоставление свидетелю возможности беспрепятственно излагать свою ложную легенду, после чего используется серия приемов «пресечение лжи»;

– снятие следователем напряжения свидетеля голосом, интонацией, репликами и последующее создание напряжения путем предъявления множества доказательств, уличающих показания данного свидетеля;

– метод косвенных вопросов в сочетании с приемами «форсирование темпа допроса», «инерция» и выжидание с подчеркиванием «пробелов» в показаниях;

– тактический прием «использование фактора внезапности» посредством неожиданной постановки свидетелю вопросов, не связанных с предыдущими;

– прием создания у свидетеля преувеличенного представления об объеме собранных доказательств².

Полагаю, что с правовой точки зрения приемлемость этих приемов не порождает сомнений, однако их этическую допустимость некоторые авторы ставят под сомнение, отмечая, что все они являются разновидностью эмоционального эксперимента над допрашиваемым, поскольку следователь искусственным образом создает условия, при которых резко меняются эмоциональное состояние допрашиваемого и его физиологические реакции³.

¹ Замылин Е. И., Намнясева В. В., Борисов В. И. Указ. соч. С. 252.

² См.: Бедризов А. Г. Проблемы допустимости тактических приемов, используемых при допросе свидетелей // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 9. С. 124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-dopustimosti-takticheskikh-priemov-ispolzuemyh-pri-doprose-svideteley> (дата обращения: 08.04.2020).

³ Там же. С. 125.

Полагаю, что допрос – это форма общения, при которой человек, вынужденный давать показания, априори находится в состоянии эмоционального напряжения, даже если он не намеревается лгать. Более того, при определенных условиях эмоциональное воздействие способен произвести даже тон следователя, которым он объявляет, к примеру, о предстоящей аудиозаписи (видеозаписи) вызванному для производства следственного действия лицу.

Что же касается первого и последнего из указанных приемов, то их эффективность подтверждена практикой, а этическая сторона, как нам представляется, не должна вызывать нареканий.

Прием, основанный на создании у свидетеля преувеличенного представления об объеме собранных доказательств, хорошо зарекомендовал себя при расследовании преступлений, совершенных группой лиц. Его целью является создание у допрашиваемого лица представления о том, что другие соучастники сознались в совершении преступления. Как правило, групповая преступная деятельность предполагает подготовку к совершению преступлений, распределение ролей, разработку способов укрытия следов преступления и самое главное – выработку согласованного поведения на предварительном следствии. Эти факторы существенно затрудняют раскрытие и расследование преступлений подобного рода. Естественно, результативность допроса должна возрасти в условиях создания видимости дачи соучастниками правдивых показаний.

Так, при расследовании кражи, совершенной группой лиц, следственная хитрость может заключаться в том, чтобы представить взору допрашиваемого, не признающего своей причастности к преступлению, материальные ценности (например, смартфон, планшет, ювелирные изделия), аналогичные похищенным. Данные ценности не объявляются вещественными доказательствами по делу и тем более не предъявляются лицу в качестве таковых, а просто располагаются в кабинете следователя таким образом, чтобы попасть в поле зрения допрашиваемого лица. Если аналогичное похищенное имущество было укрыто соучастником допрашиваемого лица, то факт его появления в кабинете следователя может создать у допрашиваемого представление о том, что соучастник дал признательные показания и выдал похищенное имущество либо его обнаружили в ходе обыска.

Замечено, что признание соучастников оказывает на виновного гораздо большее воздействие, чем другие доказательства: «Важное

значение имеет также положение закона о том, что смягчающим обстоятельством является чистосердечное раскаяние и активное способствование раскрытию преступления. При такой ситуации никто из членов преступной группы не хочет быть последним, лишив себя надежд на применение смягчающих обстоятельств»¹.

Следует обратить внимание на то, что в некоторых следственных ситуациях учеными даются рекомендации еще более радикального характера – зашифровывать истинные цели допроса при сокрытии от допрашиваемого осведомленности следователя об истинных обстоятельствах уголовного дела. Это, в частности, касалось расследования мошенничеств в страховой сфере при инсценировке страхового случая².

Лицо проводящее допрос, имеет право маневрировать информацией, т. е. решать, какая конкретно информация, в каком объеме и в какой момент должна быть доведена до сведения допрашиваемого. Иногда тактически верным является принятие мер к «зашифровке» дефицита информации по делу.

***Пример.** По подозрению в совершении нескольких краж была задержана группа подростков. Первые допросы положительного результата не дали, так как те отрицали свою причастность к совершенным преступлениям; похищенное (запчасти к автомобилям) обнаружено не было. Через некоторое время следователю поступила информация о возможном месте нахождения похищенного (в одном из сараев на окраине города), но где конкретно, оставалось невыясненным. В процессе подготовки к очередному допросу следователь принял решение о реализации «следственной хитрости». Допрос подозреваемого Г. был прерван телефонным звонком. Из разговора следователя по телефону Г. понял, что в одном из сараев обнаружено большое количество запчастей. Однако какие именно запчасти и где находится сарай, в разговоре не упоминалось. Закончив телефонный разговор, следователь, как бы осмысливая полученную информацию, произнес, обращаясь к допрашиваемому: «Надеюсь,*

¹ Быховский И. Е., Глазырин Ф. В., Питерцев С. К. Указ. соч. С. 37.

² См.: Трубкина О. В. Использование психолого-криминалистического портрета мошенника, посягающего на материальные интересы страховых компаний, при производстве допросов в условиях конфликтной ситуации // Российский следователь. 2015. № 15. С. 21–23.

сегодняшняя наша встреча будет более плодотворной, чем предыдущая». Подозреваемый, находясь под впечатлением от услышанного, посчитал, что обнаружены именно те запчасти, которые похищены им и его друзьями, дал признательные показания с перечнем эпизодов преступной деятельности и указанием мест хранения похищенного.

Подобный прием, основанный на создании у допрашиваемого лица искаженного представления о степени осведомленности следователя об обстоятельствах происшествия, не лишает допрашиваемого возможности осуществить выбор – реагировать на такие проявления осведомленности или нет. Данный способ психологического воздействия призван стимулировать позитивную активность лица в случае его причастности к преступлению, но при этом он абсолютно нейтрален для того, кто не причастен к нему либо не располагает никакой информацией о преступлении.

Из перечисленного выше следует закономерный вывод о том, что права допрашиваемого в подобной ситуации никоим образом не нарушаются (в первую очередь речь идет о его психической неприкосновенности, выражающейся в свободе выбора варианта поведения). Исследователи отмечают, что в таких следственных хитростях нельзя также усматривать признаки посягательства на честь и достоинство лица. Более того, исходя из соотношения юридического и этического в правовой норме несправедливо обременять следователя «особой этичностью»¹.

Предметом дискуссии в научной литературе являются приемы, в основу которых заложена манипуляция с чувствами и переживаниями людей, проецируемыми на сферу их личной и семейной жизни. Высказывается точка зрения о недопустимости приемов, связанных с использованием низменных побуждений, к числу которых относят гордость (?), месть и ревность². В качестве примера приводится ситуация, когда в процессе расследования уголовного дела о взяточничестве следователь решил сыграть на чувстве ревности свидетеля-

¹ См.: Князьков А. С. Законность и этичность приемов воздействия на подозреваемого и обвиняемого в ходе допроса // Уголовная юстиция. 2014. № 1 (3). С. 89. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonnost-i-etichnost-priemov-vozdeystviya-na-podozrevaemogo-i-obvinyaemogo-v-hode-doprosa> (дата обращения: 13.04.2020).

² См.: Бедризов А. Г. Указ. соч. С. 126.

женщины, которое сам же пробудил у нее. Женщина, считавшая своего мужа примерным семьянином, не дававшим повода подозревать его в неверности, увидела фотографии супруга с любовницей, его подчиненной, во время их совместного отдыха за границей. Фотографии были изъяты в ходе обыска служебного кабинета подозреваемого и во время допроса оказались лежащими на столе следователя. Под влиянием нахлынувшей на нее ревности женщина рассказала следователю все известные ей факты, подтверждающие виновность мужа в инкриминируемом ему деянии.

На наш взгляд, подобный прием вполне приемлем. Признаки какого-либо вида противоправного принуждения в действиях следователя не усматриваются. Оказываемое психологическое воздействие не является направленным, имеет весьма опосредованный характер, и, самое главное, не принимает форму подавления воли допрашиваемой. У нее есть выбор, она его делает в угоду своим личным чувствам, которые, кстати говоря, некорректно считать низменными. Этическая сторона данного приема также не вызывает сомнений.

Заметим, что этот же прием, но основанный на заведомо ложной информации (фотомонтаж), также не будет иметь признаков противоправности, но вряд ли может считаться этически допустимым.

К числу наиболее неоднозначных методов воздействия на допрашиваемого относится применение наркотических и психотропных веществ, а также гипноза. Указанные методы различны по своей природе, но едины в механизме воздействия на человека:

- лишают его возможности адекватно воспринимать ситуацию и свою роль в ней,

- подавляют волю и, как следствие, лишают способности принимать осознанное решение относительно дачи показаний и их содержания.

Заметим, что среди криминалистов есть сторонники применения при допросе так называемой сыворотки правды. В. А. Образцов и С. Н. Богомолова, к примеру, убеждены, что показания обвиняемого (подозреваемого), данные под воздействием наркотических или психотропных препаратов, могут быть источником ценной ориентирующей информации и способствовать формированию внутренней убежденности следователя в виновности или невинности

сти допрашиваемого. Более того, располагая такой информацией, он может сосредоточить усилия на конкретном направлении расследования¹.

Следует признать, что получение информации от участника процесса без контроля со стороны его сознания является гарантией объективности этой информации. Более того, некоторые авторы убеждены, что нет принципиальной разницы между изъятием ДНК подозреваемого и расшифровкой его индивидуальной памяти; нет существенной разницы между помещением лица в медицинскую организацию для принудительного отбора образцов биологических материалов и изучением его памяти в условиях медицинской организации при условии достаточной апробации исследовательских методов².

Вместе с тем российское законодательство рассматривает применение наркотических и психотропных веществ как противоправное деяние. Его квалификация будет зависеть от способности подавлять волю человека, а также от степени потенциального вреда для его жизни и здоровья, которая устанавливается экспертным путем. В зависимости от свойств вещества и условий его введения в организм (тайно или явно для потерпевшего, с применением угроз либо физического насилия) действия соответствующего субъекта будут квалифицироваться по ч. 1 ст. 302 УК РФ (как иные незаконные действия) либо по ч. 2 (как насилие). В частности, принуждение лица, дающего показания, путем обманного или тайного введения в его организм ядовитых, сильнодействующих или одурманивающих веществ следователем, дознавателем или иным лицом, производящим следственное действие, должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 302 УК РФ (иные незаконные действия) при следующих условиях:

1. Данные действия осуществлялись с целью привести потерпевшего в беспомощное состояние, позволяющее облегчить процесс получения требуемых показаний.

¹ См.: Образцов В. А., Богомолова С. Н. Криминалистическая психология. М., 2002. С. 309, 310.

² См.: Новосельцев А. Ю. Состязательный процесс и проблемы допуска новых источников доказательств по уголовным делам // Российский следователь. 2019. № 12. С. 34–38. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Отсутствуют последствия (или угроза их наступления), признаваемые необходимыми для насилия, опасного и неопасного для жизни и здоровья¹.

Этическая оценка применения указанных веществ не столь однозначна. С одной стороны она, безусловно, должна соотноситься с требованиями медицинской этики (если исходить из того, что расчет дозировки препаратов и действия по их введению в организм лица осуществляются медицинскими работниками). В этом смысле показательна резолюция 37/194 «Принципы медицинской этики», принятая 18 декабря 1982 г. на 37-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В ее содержании зафиксированы правила, в соответствии с которыми работники здравоохранения, особенно врачи, совершают нарушение медицинской этики, если они вовлечены в любые другие профессиональные отношения с заключенными или задержанными лицами, целью которых не является исключительно обследование, охрана или улучшение их физического или психического здоровья; если они применяют свои знания и опыт для содействия проведению допроса заключенных и задержанных лиц таким образом, что это может отрицательно повлиять на физическое или психическое здоровье или состояние таких заключенных или задержанных лиц и не согласуется с соответствующими международными документами².

Второй аспект этической оценки допустимости применения наркотических и психотропных веществ отражен в извечной проблеме морального выбора из двух зол; применительно к исследуемой проблеме это выбор приоритета между частными и публичными интересами. Интерес первого вида в указанных обстоятельствах выражается в праве каждого человека обладать иммунитетом от дачи показаний, предусмотренном ст. 51 Конституции России, а также рассчитывать на действие принципа презумпции своей невиновности, априори исключая обязанность содействовать государству в получении доказательств своей причастности к преступлению либо причастности иных, предусмотренных ст. 51 Конституции России лиц. С другой

¹ См.: Замылин Е. И., Намняева В. В., Борисов В. И. Указ. соч. С. 252–253.

² См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 37/194 «Принципы медицинской этики» (принята 18.12.1982 на 37-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

стороны – публичный интерес, выражающийся в стремлении государства реализовать на практике принципы своевременности юридической ответственности и неотвратимости наказания за совершенное преступление. Заметим, что публичный интерес, в конечном счете, это благо, аккумулирующее в себе интерес каждого из законопослушных лиц, желающих осуществлять свою жизнедеятельность в условиях минимизации проявлений преступности как социального явления.

Стремление придать значимость публичному интересу в сфере расследования уголовного дела выступает основным мотивом авторов, выражающих убеждение в необходимости воздействия на витальные инстинкты человека как единственной возможности получения интересующей следствие информации¹. Критерием допустимости применения психотропных и наркотических веществ они считают отсутствие опасности для жизни и здоровья, а также унижения чести и достоинства личности, т. е. общих условий, предусмотренных УПК РФ для производства следственных действий. В качестве примера недопустимого воздействия предлагается рассматривать инъекцию наркотического либо психотропного препарата, способного вызвать необратимые изменения в психике лица.

В юридической среде периодически активизируется научная дискуссия, предметом которой выступает правовая и этическая сторона гипнотического воздействия в отношении допрашиваемого в целях получения от него достоверной информации, имеющей значение для расследования по уголовному делу. Данный вопрос находится в поле зрения ученых достаточно давно. Более 20 лет назад исследователи отмечали: «Неуклонно, хотя и медленно, крадучись, с оглядкой гипноз приближается к уголовному процессу, завоевывая все больше умов неугомонных ученых-криминалистов, проникая в практическую деятельность творчески активных сотрудников органов дознания и предварительного следствия»².

Следует отметить, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает возможность применения гипноза при производстве допроса, в большинстве случаев его обсуждают в качестве возможного способа осуществления оперативного

¹ См.: Новосельцев А. Ю. Указ. соч.

² Криминалистика / под ред. В. А. Образцова. М., 1997. С. 317, 318.

опроса¹. Между тем в научной литературе встречается позиция в защиту доказательственного значения информации, полученной с помощью гипнотического воздействия. Л. И. Сироткин, к примеру, утверждает, что информация, полученная под гипнозом, не является каким-то новым видом доказательств в сфере доказательственной деятельности, а является разновидностью допроса, поэтому вполне вписывается в рамки действующего уголовно-процессуального законодательства². В. Н. Исаенко полагает, что репродукционный гипноз соответствует всем критериям допустимости, предъявляемым к средствам получения доказательств в уголовном судопроизводстве³.

Замечу, что в ряде зарубежных государств, включая США, гипноз используется как способ получения информации, имеющей доказательственное значение.

Доказано, что память человека – это кладезь информации, которая фиксирует и сохраняет все, что касается даже незначительных событий, участником или очевидцем которых он являлся. Немалая часть воспринимаемой информации фиксируется на подсознательном уровне, о чем субъект в большинстве случаев может и не подозревать. Воспроизведение информации можно стимулировать с помощью соответствующих условных сигналов, открывающих доступ к закрытым уровням памяти. Исследователям в данной области известен «феномен Пенфилда», названный по имени ученого, который, воздействуя электрическим током на нижнюю часть височной коры больного, обнаружил, что его пациент, магистр наук, ощущает себя учеником, не выучившим урок.

В научной литературе встречается масса примеров, подтверждающих огромный ресурс человеческой памяти. В одном из источников описывается случай, когда пожилой каменщик в состоянии

¹ См., напр.: Черепанов Г. Г., Шмидт А. А. Гипноз как нетрадиционный способ проведения оперативно-розыскного мероприятия «Опрос» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3 (25). С. 86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gipnoz-kak-netraditsionnyy-sposob-provedeniya-operativno-rozysknogo-meropriyatiya-opros> (дата обращения: 20.04.2020).

² См.: Сироткин Л. И. Нетрадиционные направления криминалистики // Вестник юридического института. 2002. № 2. С. 40–41.

³ См.: Исаенко В. Н. Использование композиционных и субъективных рисованных портретов в расследовании особо тяжких преступлений с признаками серийности // Эксперт-криминалист. 2005. № 10. С. 16.

гипнотического транса смог описать все неровности кирпичей, из которых он в молодости выложил стену. Когда описание проверили, оно точно соответствовало действительности¹.

Гипноз представляет собой искусственно вызываемое сноподобное состояние человека, в результате которого торможением охвачена не вся кора головного мозга, а отдельные ее участки; при этом так называемые сторожевые пункты сохраняют возбудимость, обеспечивая контакт загипнотизированного с раздражителями.

Противники гипноза рассматривают его как патологическое состояние психики, для которого характерна свехвнушаемость. По их утверждению, человек в состоянии гипнотического транса беспомощен и не способен контролировать соблюдение своих процессуальных прав, в первую очередь права не свидетельствовать против себя самого. Можно констатировать, что личность в состоянии гипнотического транса лишена возможности волевого свободного выбора варианта поведения: давать показания или отказаться, а также определять их конкретное содержание. На эту особенность допроса под гипнозом обращал внимание А. М. Ларин². Он также настаивал на том, что допрос под гипнозом противоречит конституционному праву не свидетельствовать против себя, своего супруга и ближайших родственников.

Кроме того, при пребывании лица в состоянии гипнотического транса существует вероятность внушения ему определенной, не соответствующей реальности информации, которую он после выхода из состояния транса будет воспринимать как истинную, которую ему удалось «вспомнить»³. Разумеется, при подобных обстоятельствах грубо нарушаются не только права лиц, которые по результатам этого «допроса» могут быть подвергнуты уголовному преследованию, но и интересы правосудия в целом, поскольку искаженная информация будет препятствовать установлению истины по уголовному делу.

¹ См.: Акимушкин И. Занимательная биология. М., 1967. С. 173.

² См.: Ларин А. М. Криминалистика и паракрыминалистика. М., 1996. С. 128, 133.

³ См.: Исаева Л. М. Методики составления криминалистического описания лица и восстановления информации на фоне психоэмоциональной релаксации лиц // Психологические аспекты в деятельности органов внутренних дел: сб. науч. тр. М., 2011. С. 163.

Сегодня гипноз как способ извлечения информации из подсознания человека может быть востребован практикой в двух случаях: 1) при необходимости преодоления амнезии у лица, желающего сотрудничать со следствием; 2) если нужно получить достоверную информацию от лица, не обладающего иммунитетом от дачи показаний, предусмотренным ст. 51 Конституции России, но при этом не желающего сотрудничать со следствием.

Основным дискуссионным вопросом, возникающим при оценке гипноза как способа воздействия на личность, является допустимость его осуществления против воли допрашиваемого лица.

В 1951 г. ООН провела в Брюсселе семинар, решения которого гласили: «Абсолютно необходимо, чтобы во всех системах права закон предусматривал, что органы, производящие расследование, не должны прибегать к каким бы то ни было методам, могущим ослабить волю преступника или его способность разбираться в происходящем, как, например, обману или гипнозу, применяемым хотя бы с согласия испытуемого»¹. Специалисты в области уголовного права гипноз, осуществляемый против воли допрашиваемого, считают противоправным воздействием на личность, предлагая квалифицировать соответствующие действия как принуждение к даче показаний путем насилия².

Большинство российских сторонников гипноза полагают, что он может быть приемлем, но исключительно на добровольной основе. Взаимоотношения гипнолога и гипнотизируемого должны строиться как процесс взаимодействия, осуществляемый для достижения общей цели. В качестве юридических гарантий прав гипнотизируемого предлагается предусмотреть в законе процедуру, в ходе которой опрашиваемому разъясняются суть гипноза, его цель и особенности производства; ему предоставляют право подписать заявление о том, что ему разъяснены его права, характер мероприятия, порядок и цели его проведения. Предполагается возможное участие адвоката или, по желанию опрашиваемого, кого-то из родственников³.

¹ Названный документ ООН опубликован: Российская юстиция. 1995. № 5. С. 58.

² См.: Бунева И. Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2000. С. 10.

³ См.: Гримак Л., Хабалев В. «Следственный» гипноз и права человека // Государство и право. 1997. № 4. С. 48.

Вместе с тем нельзя игнорировать существование факторов, обуславливающих опасность гипноза для субъекта воздействия. Речь идет о психическом здоровье лица, а также о его интересах правового характера. Первый фактор находит отражение в ситуации, когда гипноз используется для преодоления амнезии, наступившей у лица вследствие пережитой травмирующей психику ситуации (например, когда человек стал свидетелем убийства близкого родственника). В подобных ситуациях амнезия может иметь так называемую охранительную природу. Вся информация о травмирующей ситуации, помимо воли самого человека, «прячется» природой в подсознание, где может находиться в течение неопределенного периода времени. «Вскрытие» в подобных случаях может привести пострадавшего к дополнительным тяжелым переживаниям, которые способны стать причиной развития тяжелых форм невроза и даже заболеваний психики. При данных условиях не каждый гипнолог способен провести сеанс таким образом, чтобы извлеченная из тайников подсознания информация не стала причиной ухудшения физического и психического состояния лица. Для этого необходимо использовать довольно сложный метод «диссоциированного представления», при котором субъект, повторно переживающий психотравмирующую ситуацию, как бы наблюдает себя со стороны.

Второй фактор выражается в наличии потенциальной возможности со стороны гипнолога «подвести» человека, находящегося в безвольном состоянии, к необходимости совершения действия вопреки его желанию и, возможно, интересам (дача правдивых показаний). Достижению этой цели может способствовать метод «замещающего опыта». Лицу, погруженному в состояние гипнотического транса, рассказывается история, сюжет которой совпадает с обстоятельствами преступления, интересующими следствие, однако участником (очевидцем) этих событий является другой человек. В состоянии транса психика лица, выступающего объектом воздействия, устанавливает ассоциативную связь с героем, как бы «сопроживая» опыт вместе с ним; за счет этого возникает эффект замещающего опыта. Психологи утверждают, что в результате этого действия психика лица может перенять от героя повествования его убеждения, внутренние трансформационные процессы, алгоритм действий

и т. д.¹ По воле гипнолога герой повествования может быть человеком, желающим поделиться со следователем полной и правдивой информацией о совершенном преступлении, участником или очевидцем которого он был. Разумеется, этот алгоритм поведения теоретически должен стать образцом для человека, являющегося реальным объектом гипнотического воздействия.

Таким образом, гипноз – довольно перспективный способ получения информации по уголовному делу. Исследователи прогнозируют появление в российской криминалистике нового направления – криминалистической гипнологии, способного существенно улучшить тактическое оснащение следственной практики².

¹ См.: Тараянц А. В. Понятие и виды гипнотических актов. Описание основных идей, сути психологических действий и феноменов при выполнении гипнотического акта // АНИ: педагогика и психология. 2019. № 1 (26). С. 381. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-gipnoticheskikh-aktov-opisanie-osnovnyh-idey-suti-psihologicheskikh-deystviy-i-fenomenov-pri-vypolnenii-gipnoticheskogo> (дата обращения: 15.04.2020).

² См.: Образцов В. А., Богомолова С. Н. Указ. соч. С. 25.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наличие конфликта не снимает самой возможности общения и достижения целей расследования, поскольку в деятельности по отправлению правосудия всегда имеет место взаимное стремление к получению информации, которое обеспечивает интерес, необходимость общения в конфликтной ситуации¹. Конфликт разрешается успешнее, если обе стороны заинтересованы в достижении некоторого общего результата, побуждающего к сотрудничеству.

Следует отметить, что в теории конфликта имеет место такое понятие, как «конфликтная компетентность», т. е. умение (способность) разобраться, насколько в конфликте представлены именно те противоречия, которые могут и должны быть разрешены. По нашему мнению, это предполагает, что деятельность следователя по разрешению конфликтной ситуации должна быть реализована в несколько этапов:

во-первых, необходимо выяснить, действительно ли это конфликт (возможно, это всего лишь заблуждение одной из взаимодействующих сторон: следователя или фигуранта, вовлеченного в уголовное судопроизводство), т. е. необходимо правильно оценить ситуацию, которая сложилась на момент проведения конкретного следственного действия;

во-вторых, определить причины конфликта. Исчерпывающее определение характера проблемы, приведшей к конфликту, помогает следователю оценить свое поведение и поведение участника следственного действия; важно осознать точки соприкосновения конфликтующих сторон, истоки их противоречия. Именно знание причин позволит должностному лицу, в производстве которого находится уголовное дело, ограничить число конфликтных столкновений при общении с конкретным лицом в дальнейшем или вообще избежать их;

в-третьих, наметить (посредством поиска) возможные пути разрешения конфликта. Речь идет о путях достижения позитивного сотрудничества в тактическом и психологическом плане: следователь ставит перед собой вопросы: что бы он мог сделать, чтобы разрешить возникший конфликт? Что в этом направлении могли бы сделать

¹ См.: Дулов А. В. Основы психологического анализа на предварительном следствии. М., 1973. С. 74–75.

его коллеги? Что мог бы сделать конфликтующий субъект? Затем, соответственно, намечает пути выхода из конфликта;

в-четвертых, реализовать намеченный способ разрешения конфликтной ситуации, т. е. претворить в жизнь комплекс намеченных тактико-психологических приемов;

в-пятых, критически оценить мероприятия и действия, предпринятые для разрешения конфликта, их эффективность и недостатки.

Тактические приемы, применяемые при производстве допроса и нацеленные на получение полных и правдивых показаний, приобретают особую актуальность в условиях конфликтной или предконфликтной ситуации, обусловленной нежеланием допрашиваемого содействовать установлению истины по уголовному делу. Психологическое воздействие, выступающее основой любого тактического приема, должно быть правомерным и отвечать определенным моральным требованиям. Совокупность этих факторов позволит признать тот или иной способ воздействия приемлемым и рекомендовать его к использованию в правоохранительной практике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

І. Законодательные и другие нормативные акты

1.1. Конституция РФ : офиц. текст [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ)]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1.2. Всеобщая Декларация прав человека [принята и провозглашена Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.] // Российская газета. – 1998. – 10 дек.

1.3. Декларация прав и свобод человека и гражданина // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 52. – Ст. 1865.

1.4. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающего достоинство видов обращения и наказания [принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1984 г.]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1.5. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью [принята 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1.6. Уголовно-процессуальный кодекс РФ : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ [приводится по состоянию на 29 июля 2017 г.]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1.7. Уголовный кодекс РФ : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [приводится по состоянию на 29 июля 2017 г.]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1.8. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ [в ред. от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1.9. О полиции : федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ [в ред. от 29 июля 2017 г. № 272-ФЗ]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1.10. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федер. закон от 15 июля 1995 г.

№ 103-ФЗ [в ред. от 28 декабря 2016 г. № 505-ФЗ]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

II. Монографии, учебники, учебные пособия

2.1. Баев, О. Я. Конфликтные ситуации на предварительном следствии (основы предупреждения и разрешения) : монография / О. Я. Баев. – Воронеж : ВГУ, 1984. – 132 с.

2.2. Баев, О. Я. Тактика следственных действий : учебное пособие / О. Я. Баев. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 456 с.

2.3. Бахин, В. П. Тактика преступников. Тактические приемы противодействия преступников следствию : учебное пособие / В. П. Бахин. – Киев : Изд-во Семенко Сергея, 2009. – 44 с.

2.4. Белкин, Р. С. Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р. С. Белкин. – Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 2001. – 240 с.

2.5. Белкин, Р. С. Избранные труды / Р. С. Белкин. – Москва : НОРМА, 2008. – 768 с.

2.6. Бодалев, А. А. Восприятие и понимание человека человеком : монография / А. А. Бодалев. – Москва : МГУ, 1982. – 199 с.

2.7. Бочкарев, М. В. Психологические основы тактики допроса подозреваемого и обвиняемого : монография / М. В. Бочкарев. – Саратов : СЮИ МВД России, 2008. – 140 с.

2.8. Бочкарев, М. В. Тактика управляющего воздействия на лиц, представляющих оперативный интерес, при раскрытии и расследовании преступлений : учебное пособие / М. В. Бочкарев. – Саратов : СЮИ МВД России, 2010. – 100 с.

2.9. Будников, В. Л. Показания в уголовном судопроизводстве : монография / В. Л. Будников. – Москва : Юрлитинформ, 2009. – 144 с.

2.10. Быховский, И. Е. Допустимость тактических приемов при допросе : учебное пособие / И. Е. Быховский, Ф. В. Глазырин, С. К. Питерцев. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1989. – 48 с.

2.11. Васильев, В. Л. Юридическая психология : учебник / В. Л. Васильев. – 4-е изд., доп. и перераб. – Санкт-Петербург : Питер, 2011. – 640 с.

2.12. Васильева, О. А. Психологический реагент в криминалистике : монография / О. А. Васильева, В. Д. Корма. – Москва : Юрлитинформ, 2008. – 152 с.

2.13. Глазырин, Ф. В. Психология следственных действий : учебное пособие / Ф. В. Глазырин. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1983. – 136 с.

2.14. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс ; пер. с нем. с 4-го доп. издания, перевели Л. Дудкинъ и Б. Зиллеръ. – Санкт-Петербург : Типография М. Меркушева, 1908. – 1049 с.

2.15. Дулов, А. В. Судебная психология : учебное пособие / А. В. Дулов. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Вышэйшая школа, 1975. – 464 с.

2.16. Еникеев, М. И. Следственные действия : психология, тактика, технология : учебное пособие / М. И. Еникеев, В. А. Образцов, В. Е. Эминов. – Москва : Проспект (ТК Велби), 2011. – 146 с.

2.17. Еникеев, М. И. Юридическая психология : учебник / М. И. Еникеев. – Москва : Норма, 2012. – 512 с.

2.18. Закатов, А. А. Ложь и борьба с нею : монография / А. А. Закатов. – 2-е изд., испр. и доп. – Волгоград : ВЮИ МВД России, 1999. – 152 с.

2.19. Замылин, Е. И. Тактико-психологические основы допроса в конфликтной ситуации : учебное пособие / Е. И. Замылин. – Волгоград : ВЮИ МВД России, 1998. – 72 с.

2.20. Замылин, Е. И. Тактика и психология общения с лицами, подлежащими государственной защите, на стадии предварительного расследования : учебное пособие / Е. И. Замылин. – Волгоград : ВА МВД России, 2018. – 128 с.

2.21. Замылин, Е. И. Противоправное воздействие на интересы правосудия: подкуп и принуждение (общая характеристика, проблемы ответственности, методы борьбы и нейтрализация) : монография / Е. И. Замылин, В. В. Намнясева, В. И. Борисов. – Волгоград : ВА МВД России, 2016. – 404 с.

2.22. Зорин, Г. А. Психологический контакт при производстве допроса : учебное пособие / Г. А. Зорин. – Гродно : ГрГУ, 1986. – 71 с.

2.23. Зорин, Г. А. Руководство по тактике допроса : учебно-практическое пособие / Г. А. Зорин. – Москва : Юрлитинформ, 2001. – 320 с.

2.24. Комиссаров, В. И. Криминалистическая тактика : история, современное состояние и перспективы развития : монография / В. И. Комиссаров. – Москва : Юрлитинформ, 2009. – 192 с.

2.25. Лавров, В. П. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : курс лекций / В. П. Лавров. – Москва : Академия управления МВД России, 2011. – 148 с.

2.26. Мариновская, И. Д. Юридическая психология : учебное пособие / И. Д. Мариновская, С. Н. Тихомиров. – Москва : Дело, 2005. – 384 с.

2.27. Мелибруда, Е. Я – ТЫ – МЫ : психологические возможности улучшения общения / Е. Мелибруда ; пер. с польского Е. В. Новиковой. – Москва : Прогресс, 1986. – 256 с.

2.28. Образцов, В. А. Допрос потерпевшего и свидетеля на предварительном следствии : учебное пособие / В. А. Образцов, С. Н. Богомолова. – Москва : Омега-Л, 2003. – 160 с.

2.29. Питерцев, С. К. Тактика допроса на предварительном следствии и в суде : пособие / С. К. Питерцев, А. А. Степанов. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 160 с.

2.30. Порубов, Н. И. Криминалистическая тактика и ее роль в раскрытии преступлений : лекция / Н. И. Порубов. – Минск : МВШ МВД СССР, 1986. – 36 с.

2.31. Ратинов, А. Р. Лжесвидетельство (происхождение, предотвращение и разоблачение ложных показаний) : монография / А. Р. Ратинов, Ю. П. Адамов. – Москва : ВИПИПИРМП, 1976. – 135 с.

2.32. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей : учебное пособие / А. Р. Ратинов. – Москва : Юрлитинформ, 2001. – 352 с.

2.33. Резван, А. П. Криминалистическая тактика : учебное пособие / А. П. Резван, Н. Ф. Колосов, А. Н. Петрова. – Волгоград : ВА МВД России, 2012. – 140 с.

2.34. Филонов, Л. Б. Психологические способы выявления скрываемого обстоятельства : монография / Л. Б. Филонов. – Москва : МГУ, 1979. – 99 с.

2.35. Хайдуков, Н. П. Тактико-психологические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц : монография / Н. П. Хайдуков. – Саратов : СЮИ, 1984. – 124 с.

2.36. Шиханцов, Г. Г. Юридическая психология : учебник / Г. Г. Шиханцов ; отв. ред. В. А. Томсинов. – Москва : Зерцало, 2002. – 352 с.

2.37. Экман, П. Психология лжи / П. Экман. – Санкт-Петербург : Питер, 2000. – 272 с.

III. Статьи, тезисы выступлений

3.1. Аверьянова, Т. В. Соотношение методов эвристики с внутренним убеждением следователя / Т. В. Аверьянова // Труды Академии управления МВД России. – 2012. – № 1. – С. 3–7.

3.2. Баев, О. Я. Принуждение к даче показаний: криминалистический анализ состава преступления / О. Я. Баев // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 3. – С. 227–238.

3.3. Башкирский, А. И. Коммуникативная компетентность следователя как одно из важнейших условий успешного расследования преступлений / А. И. Башкирский // Психологическое обеспечение деятельности ОВД в современных условиях : материалы межвузовской научно-практической конференции. – Челябинск : ЧЮИ МВД России, 2002. – С. 50–52.

3.4. Драпкин, Л. Я. Конфликтные ситуации и методы их разрешения в процессе преодоления противодействия расследованию / Л. Я. Драпкин // Преодоление конфликтных ситуаций в процессе раскрытия и расследования преступлений : сборник научных трудов. – Екатеринбург : УрЮИ МВД России, 2006. – С. 5–15.

3.5. Замылин, Е. И. Психологическое воздействие и специфика его применения в условиях активного противодействия расследованию преступлений / Е. И. Замылин // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2008. – № 2. – С. 48–52.

3.6. Замылин, Е. И. Конфликтная ситуация в ходе расследования как результат неправомерного воздействия заинтересованных лиц / Е. И. Замылин // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2009. – № 3. – С. 85–89.

3.7. Замылин, Е. И. К вопросу о понятии противодействия раскрытию и расследованию уголовно наказуемых деяний / Е. И. Замылин // Вестник криминалистики. – 2012. – Вып. 4. – С. 87–92.

3.8. Зорин, Р. Г. Криминалистическая характеристика тактического (психического) воздействия в системе следственных действий / Р. Г. Зорин // Юридическая психология. – 2008. – № 3. – С. 27–28.

3.9. Карагодин, В. Н. Криминалистическое учение о преодолении противодействия расследованию / В. Н. Карагодин // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 4. – С. 241–252.

3.10. Карнаухова О. Г. Процесс формирования заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших / О. Г. Карнаухова // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 1. – С. 147–152.

3.11. Корнеева, О. А. Проблемы тактики допроса свидетеля и потерпевшего / О. А. Корнеева // Российский следователь. – 2010. – № 1. – С. 7–9.

3.12. Кузьмин, С. В. О понятии и содержании тактической ситуации / С. В. Кузьмин // Вестник криминалистики. – 2010. – Вып. 1. – С. 11–15.

3.13. Кустов, А. М. Особенности механизма противодействия расследованию / А. М. Кустов // Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : сборник материалов 51-х Криминалистических чтений : в 2 частях. – Москва : АУ МВД России, 2010. – Ч. 1. – С. 114–121.

3.14. Лавров, В. П. Криминалистическая теория противодействия расследованию преступлений и методы его преодоления (сущность; история; перспективы развития) / В. П. Лавров // Преодоление конфликтных ситуаций в процессе раскрытия и расследования преступлений : сборник научных трудов. – Екатеринбург : УрЮИ МВД России, 2006. – С. 15–25.

3.15. Лапин, Е. С. Некоторые проблемы допроса / Е. С. Лапин // Вестник криминалистики. – 2010. – Вып. 3. – С. 101–103.

3.16. Лютынский, А. М. Проблемы установления психологического контакта с допрашиваемым / А. М. Лютынский // Проблемы управления органами расследования преступлений в связи с изменением уголовно-процессуального законодательства : материалы межвузовской научно-практической конференции : в 2 частях. – Москва : АУ МВД России, 2008. – Ч. 2. – С. 188–194.

3.17. Сапожников, А. И. Ухищренное поведение подозреваемых (обвиняемых) как разновидность противодействия расследованию / А. И. Сапожников, В. М. Шевченко // Российский следователь. – 2008. – № 2. – С. 36–38.

3.18. Степаненко Д. А. Психологическое воздействие в уголовном судопроизводстве: понятие и критерии допустимости / Д. А. Степаненко // Российский следователь. – 2014. – № 9. – С. 52–56.

3.19. Тямкин, А. В. Тактические приемы разоблачения ложных показаний при допросе / А. В. Тямкин, Г. Е. Цыкова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2012. – № 2. – С. 115–120.

3.20. Чебуренков, А. А. Проблемы оценки допустимости отдельных тактических приемов производства следственных действий / А. А. Чебуренков // Следователь. – 2005. – № 8. – С. 24–28.

3.21. Шмонин, А. В. Криминалистическое учение о противодействии расследованию преступлений : современное состояние и пути развития / А. В. Шмонин // Труды Академии управления МВД России. – 2011. – № 3. – С. 10–14.

3.22. Яковлева, М. Я. Некоторые вопросы преодоления противодействия расследованию в ходе допроса / М. Я. Яковлева // Вестник криминалистики. – 2009. – Вып. 2. – С. 62–64.

Учебное издание

Замылин Евгений Иванович
Кальченко Наталья Викторовна

Правовые и этические
критерии допустимости
психологического воздействия
в ходе допроса
(к вопросу о соблюдении прав
человека и гражданина на следствии)

Учебное пособие

Редактор *Е. Ю. Провоторова*
Компьютерная верстка *Ю. В. Сиволопова*
Дизайн обложки *Н. А. Доненко*

При дизайне обложки использовались материалы сайта:
<https://yandex.ru/images>

Волгоградская академия МВД России.
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

Редакционно-издательский отдел.
400131, г. Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

Подписано в печать 21.09.2020. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Физ. печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 5,58.
Тираж 100 экз. Заказ 38.

ОПиОП РИО ВА МВД России.
400131, г. Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.